

The background of the book cover is a detailed illustration. It depicts a massive, multi-arched stone aqueduct or bridge that stretches across the lower half of the frame. The structure is made of dark, textured stone or brick. Above the bridge, in the upper left quadrant, a hot air balloon is visible. The balloon has a patterned envelope and a basket with a red and white striped canopy. It is surrounded by soft, white clouds. The sky is a clear, pale blue. The overall style is that of a classic adventure novel cover.

18+

Лев Портной

АКВЕДУК НА МИЛЛИОН

Приключения графа Воленского

Лев Портной
Акведук на миллион.
Приключения
графа Воленского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68533882

ISBN 9785005930309

Аннотация

1802 год, Санкт-Петербург. Совершено убийство. Все улики указывают на вину графа Воленского. Даже высокопоставленные друзья не в силах снять с него подозрения. Лишь только загадочная итальянская графиня приходит к нему на помощь. Вдобавок, никто не хочет знать правды. А ведь совершенное преступление – лишь малая часть зловещего плана. Сторонники абсолютизма готовят новые убийства. Их цель – заставить Александра I отказаться от прогрессивных преобразований...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	56
Глава 4	76
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Акведук на миллион Приключения графа Воленского

Лев Портной

«Приключения графа Воленского»:

- 1) «Копенгагенский разгром»;
- 2) «Акведук на миллион»;
- 3) «1812, год зверя».

Иллюстратор Дмитрий Хузин aka Skolzky

Иллюстрация на обложке Наталья Никитина

© Лев Портной, 2022

© Дмитрий Хузин aka Skolzky, иллюстрации, 2022

© Наталья Никитина, иллюстрация на обложке, 2022

ISBN 978-5-0059-3030-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Экипаж подъехал к отдельному боковому входу настолько близко, что разглядеть здание не представлялось возможным. Но я понял, что доставили меня не на съезжую, а к частному дому. Выходило, что вершится не правосудие, а произвол. Я попытался вырваться, но было поздно.

Снаружи к квартальным надзирателям присоединились еще двое, схватили меня и поволокли. У двери мелькнул тщедушный лакей в ливрее и тут же заторопился вверх по лестнице, освещая путь фонарем, а четверо негодяев понесли меня следом. Я дергал ногами и извивался всем телом, но силы были неравными. Борьба проходила молча. Я не издавал ни звука, понимая, что звать на помощь бесполезно и даже опасно: добьюсь лишь того, что похитители оглушат ударом по голове.

Черная лестница пропахла нечистотами, от квартальных надзирателей разило потом. Безмолвная возня в темном, узком пространстве отдавала мистической жутью.

Впрочем, какая к черту мистика! Говорил же себе: доиграешься! И вот – доигрался! Бог весть, чей приказ выполняли полицейские... Хорошо, если императора. Совсем худо, если брата его цесаревича Константина Павловича!

А ведь какой скандал теперь выйдет! Самое досадное, что конфуз случился накануне приезда графа Семена Романо-

вича Воронцова. В последнем письме он сообщил, что будет в России и на известном торжестве 28 октября увидится с императором. Граф Семен обещал замолвить за меня словечко, если к тому времени моя судьба не решится каким-нибудь иным, но безусловно благоприятным образом... Господи, если скандал получит гласность, Семен Романович конечно же отвернется от меня.

Эх, знал бы, чем все закончится!

И все равно ведь рискнул бы...

Все-таки – Нарышкина!

Правильно Державин сказал: «Минерва в час похоти». Однако же для меня наступил час расплаты. А самое обидное, что ведь и не было ничего.

Преодолели два пролета, и я запыхался больше, чем господа, тащившие меня на себе.

На площадке мы не задержались, двинулись выше.

– Благородного человека, дворянина, на третий этаж!!! – делано возмутился я.

– Гляди! Сейчас все благородство твое вышибем! – прозвучало в ответ.

Господа оказались крайне серьезны, отчего и предчувствия мои сделались совсем нехорошими. Неужели и впрямь Константин Павлович вступился за честь августейшего брата?! Цесаревич слыл извергом.

Конечным пунктом оказался просторный кабинет. Меня усадили в диковинное кресло, закрепленное на металли-

ческих стержнях с рукоятями и поворотными механизмами, руки пристегнули ремнями к железным подлокотникам, а ноги связали.

Будут пытать, понял я, и страх смешался с жаждой мести.

– Да кто вы такие, черт побери! – выкрикнул я.

– Молчи, ты! – рыкнул кто-то.

Похитители встали у меня за спиной. Я оказался напротив внушительного стола. На красном сукне красовалась чернильница, возвышалось перо, мерно тикали бронзовые часы с медведем. Со стены взирает на меня Спаситель с таким тяжким прискорбием, что просить Его о чем-либо язык не поворачивался.

Я попробовал обернуться, но получил кулаком в скулу и счел за лучшее головой не вертеть. Да и что толку с халдеев. Вот явится хозяин дома, сядет за стол, глянет на меня – надеюсь, хоть чуточку мягче, чем святые с икон, – и ситуация прояснится.

Раздались шаги, кто-то за спиной прошел в дальний угол кабинета.

– Ну?.. Что?.. – донесся оттуда голос.

– Хорошо. Давай! – ответили ему.

Кресло наклонилось вперед, сердце у меня екнуло – думал: убьюсь о дубовый паркет, – но в последний миг пол разъехался, и я ухнул в открывшийся люк. Поворотный механизм щелкнул, и я повис вверх тормашками; широкие ремни, прихватившие руки к подлокотникам, удерживали

меня от падения. Мысль была одна: вот сейчас сверну себе шею. Я вцепился в железо с усердием столь остервенелым, сколь и бесполезным, и наконец сообразил осмотреться. Небольшой кабинет. В жирандолях в большом количестве горят свечи. В углу – ломберный столик. Два господина в военных мундирах как раз входят в помещение, – жаль, я из-за неожиданного и быстрого «падения» не успел разглядеть их.

Господа же, не заметившие трюков над головами, продолжали разговор.

– Длинный был на приеме у государя.

Знакомый голос!

С его обладателем час тому назад я столкнулся на черной лестнице в «Новых Афинах»!

Я чуть не вскрикнул от радости: стало быть, ни император, ни его страшный брат ни при чем. Расправу надо мною решил учинить этот незнакомец! Экий ревнивец!

Ладно, посмотрим! Еще пожалеешь, что связался со мной!

– Александр Павлович предлагал Длинному службу, а тот отказался. Уехал ни с чем, – продолжил незнакомец.

– Длинный? – переспросил его собеседник.

Судя по голосу, он был намного моложе моего обидчика.

– Я имел в виду Бульдога, – поправился он.

– Пока ни с чем, – промолвил снисходительным тоном молодой собеседник. – Поверьте, государь еще позовет его.

Еще позовет.

– Но чего же он ждет?!

– Всему свое время.

– Пока он выжидает, шайка якобинцев погубит Россию!

Я весь обратился в слух, сообразив, что «шайкой якобинцев» хозяин дома окрестил моих друзей. Гнев и жажда мести забурили во мне с удвоенной силой, – чувства дурные, а в моем случае еще и опасные: и так кровь к голове приливает, а я еще и бесполезной злостью ее подкачиваю, так и до кондрашки недалеко.

– Полно вам, милостивый государь! – слышался голос молодого собеседника. – Россия велика, так просто ее не погубишь. Да и стоит ли опасаться этой шайки. Пустое. Они только и заняты болтовней, а дело делают другие!

Обида и злоба захлестнули меня пуще прежнего.

– Тем более! – с жаром выпалил хозяин. – Чего же ждать?!

– Экий вы нетерпеливый! Сами же знаете, ждать осталось совсем немного. До двадцать восьмого октября – всего две недели! А вы все торопитесь, милостивый государь. Рано, ой рано вернулись на службу. Рад бы ошибиться, но смею предположить, вы недолго продержитесь, ваша отставка не за горами...

– Что вы такое говорите?!

Слышался шорох, какой бывает при трении ткани, – вероятно, хозяин еще и руками замахал.

В ушах гудело, я стал дергать ногами в надежде, что истя-

затели перевернут меня. Но и любопытство не отпускало, я старался не пропустить ни слова.

– Смена власти, – рассуждал гость, – похожа на маятник с секирой: он качается и головы сносит. И нет здесь ни правых, ни виноватых, рубит без разбору. Качнулся в одну сторону – одни ряды проредил, в обратную сторону – другие.

– Мудрено вы изъясняться изволите, не пойму я вас.

– Чего же тут непонятного? Молодой государь не знает ни как государством управлять, ни кому довериться можно. Вот и мечется...

– Эдак же маятник до бесконечности мотаться туда-сюда будет. Что же нам? Ждать *ad calendas graecas*¹? Или пока царь не повзрослеет?

– Да нет, милостивый государь. Выжидать нужно того момента, когда сможешь на маятник запрыгнуть. Бульдог и ждет. И считайте, дождался. Мы ему *punctum temporis*² подготовили.

– Вы уверены, что из вашего *punctum temporis* будет толк? – с язвительной усмешкой, едва скрывавшей дрожь в голосе, спросил хозяин.

– Дело такое, что Россия содрогнется от ужаса. – Голос молодого собеседника зазвучал со зловещим торжеством. – А государь, наш безвольный государь, впадет в оцепенение, вот увидите. Одна только мысль у него и останется: нужно

¹ *Ad calendas graecas* (лат.) – до греческих календ.

² *Punctum temporis* (лат.) – момент времени, мгновение.

действовать, действовать, время для болтовни истекло, романтическим настроениям более нет места, нужна железная рука! И тогда, вот увидите, Бульдог окажется в числе первых, кого царь призовет на помощь.

– Вы уверены?

– Уверен. И его возвращение спасет и вас, милостивый государь, от отставки. Тем паче, что дело в Москве произойдет, не здесь, не в Санкт-Петербурге.

– Не здесь, – прошептал хозяин дома, в голосе его слышались и облегчение, и ревность одновременно.

– Вот почему интересен мне ваш племянник.

– Петрушка-то Рябченко? Сейчас пошлю за ним на Московую.

– Да ни к чему! – с досадой ответил неизвестный и с ещё большей досадой сказал: – Очень некстати эта ревизия! Но мы устроили так, что ревизором в Москву поедет он, ваш племянник.

– Он же как из Орлова вырвался, никуда из Петербурга...

– Вот и хорошо.

– Да что «хорошо»? Штафирка³! Какой от него прок? – промолвил хозяин дома с деланным безразличием, за которым угадывалось желание оградить племянника от участия в сомнительном деле.

– Нужно, милостивый государь, наказать ему, чтобы глубоко не копал – и со всеми отчетами нас ознакомил, прежде

³ Штафирка – невоенный штатский человек.

чем они пойдут выше, — с нажимом в голосе произнес гость и тут же добавил: — А впрочем, отчеты должны быть немудреными.

— Что-то вы темните, — неожиданно резко сказал хозяин. — Боитесь ревизии, а с другой стороны — требуете денежной помощи! И вообще! Какое отношение задание моего племянника имеет к вашему делу?

— Денег не хватило, — недовольно ответил гость. — Сами знаете, большая часть уходит на взятки. Кроме того, вы участвуете не просто так. Бульдог учтет вашу помощь.

— Ладно-ладно, — смягчился хозяин и с усмешкой добавил: — Представьте себе, какой-то негодяй только что пытался отнять у меня эти деньги.

Услыхав эти слова, я едва сдержался, чтобы не хмыкнуть. Получалось, на черной лестнице в «Новых Афинах» я оказался свидетелем попытки ограбления.

Кресло рванулось в обратную сторону. Голова пошла кругом, перед глазами все поплыло, я едва не потерял сознание, но сквозь накатившую дурноту пробивалась досада, что самое важное я упущу.

Морды мучителей выплыли из тумана. Голоса доносились словно из-под воды.

— Жив?

— Что ему будет-то?

— Да ты, Кузьма, не тот рычаг потянул.

– Как же не тот?! Смотри вон!

За спиной щелкнуло, кресло вновь опрокинулось, и я вторично повис вниз головой. Пока истязатели разбирались в рычагах, я разглядел еще одного господина в форме квартального надзирателя, который появился в мое отсутствие.

– Ты понял, Быков?! – услышал я голос хозяина дома. – Скажи профессору Черни, что со мной шутки плохи...

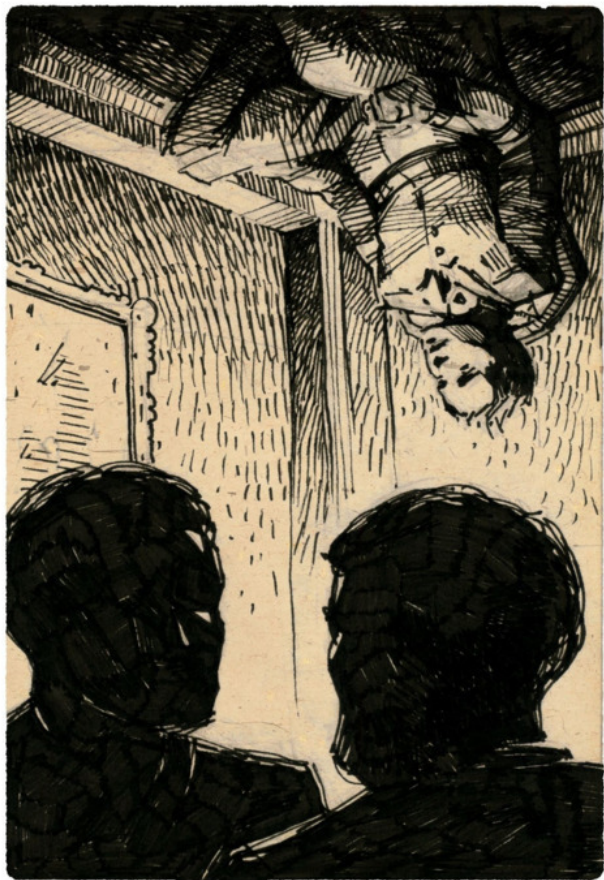
Тут кресло крутанулось в обратную сторону, но я успел заметить удивленные лица хозяина дома и квартального надзирателя: дело в том, что последний пяtilся к выходу и заметил движение под потолком. Третий же господин, тот, что делился заговорщицким планом, быстро вскинул к лицу салфетку.

Негодяй хотел остаться неузнанным. К сожалению, даже не прикройся он салфеткой, я не успел бы разглядеть его. Впрочем, и хозяина дома с квартальным надзирателем я не смог рассмотреть как следует, лишь выражения на лицах уловил.

«Ну, ничего, ничего! – подумал я. – Петрушку-то Рябченко с Моховой найти будет несложно, а вытрясти сведения о дяде и о том, кому понадобилось с отчетами знакомиться, еще проще. К тому же Быков и профессор Черни. И самое важное – дата! Двадцать восьмое октября. Что-то должно случиться в этот день».

Я вновь впорхнул на третий этаж, пол подо мной сдвинулся. В кабинете стоял ор несусветный: похитители меж собой

собачились. Более всего некоему Кузьме доставалось, что вдругорядь не тот рычаг дернул. Выходило, что диковинный механизм не только кресло с пленником вниз опрокидывал, но и еще какие-то фортели проделывал. И меня не собирались на второй этаж окунать, а хотели подвергнуть иной экзекуции.

– Судари мои, что же вы от меня хотите? – вскрикнул я. – Вниз головой кувыркать вам не нравится! Об потолок, что ли, Кузьма должен меня шмякнуть?!

– Вот веселый господин! – откликнулся один из мучителей. – Шутки шутить изволит! Ну, пошутит, пошутит! Поглядим, как скоро запоешь.

За моей спиной с грохотом отворилась дверь. Раздался окрик хозяина дома:

– Вы что устроили тут, олухи?!

– Ваше высокопревосходительство... – залепетал кто-то.

– Молчать! – рявкнул хозяин, очевидно имевший генеральское звание.

– Добрый вечер, ваше высокопревосходительство, – поздоровался я. – Вот уж не ожидал такого гостеприимства! И это ваша благодарность! Я же только что защищал вашу жизнь!

– Благодарность?! – взревел хозяин дома. – Да ты у меня пожалеешь, что на свет родился!

– Да что вы, ваше превосходительство, это же смертный грех, – парировал я.

– Зубоскал, – процедил генерал с ненавистью.

– Послушайте, милостивый государь, – раздался тихий голос гостя, только что делившегося заговорщицкими планами, – если этот человек слышал наш разговор, его нужно того... крек!

Меня прошиб холодный пот. Я не знал этого человека в лицо, я сидел спиной и к нему, и к генералу, но живо представил себе, как злодей произносит это «крек!» и проводит рукой по горлу.

– Полно вам, – возразил генерал.

Я проникся к нему теплом. Все-таки человек, не убийца.

– Интересы России превыше всего, – прошипел незнакомец.

– Да что он слышал?! – воскликнул генерал.

– Осмелюсь доложить! – раздался еще чей-то голос.

Вероятно, генерал кивнул, потому что тот же голос продолжил:

– Ничего он услышать не мог, ваше высокопревосходительство! Равно как и мы ничего не слышали!

Нестройный хор моих конвоиров подтвердил, что они ничего не слышали, когда люк был открыт.

– А он и подавно слышать не мог, – подал голос неожиданный заступник. – Потому как кровь к голове притекает, уши закладывает. Вы вот сами попробуйте...

– Цыц мне! – рявкнул генерал. – Я те попробую! Эй ты! Слыхал что или нет?!

– Что слыхал?! – изобразив недоумение, воскликнул я и добавил: – Тут, слава богу, не обмочился от страха!

– Ну, все еще впереди, – «успокоил» меня хозяин дома. – Ладно, идемте. Ничего он не слыхал!

Послышались шаги – хозяин и его зловещий гость удали-

лись с третьего этажа. А я попытался вспомнить лица конвоиров, чтобы сообразить, кто из них выступил моим спасителем.

Мои безрезультатные умственные упражнения прервали самым неожиданным образом. Хлопнула дверь, и кто-то выкрикнул:

– Велено приступить!

– Кузьма! – откликнулся еще кто-то.

Раздался щелчок – Кузьма дернул рычаг. Я приготовился в третий раз нырнуть головой в пол, но кресло претерпело совершенно иные метаморфозы. Сиденье из-под меня выскользнуло, спинка отклонилась, и я повис на подлокотниках. Тверди под ногами не оказалось – пол снова разъехался, а конструкция поползла вниз, пока моя голова не оказалась на уровне пола. Затем движение прекратилось, и створки люка сдвинулись, едва не сдавив меня. Взглянуть на ноги я уже не мог, но дышал спокойно.

Послышались шаги и характерное постукивание. Подручные генерала семенящими шажками расступились. Пара туфель и трость замерли передо мной. Я начал поднимать голову, чтобы взглянуть на хозяина, – без сомнения, амбре от его ног вдыхал я в эту минуту, – но трость подскочила и ткнула меня в темя.

– Бойтесь, – промолвил я.

– Тебе, щенок, пора о заднице побеспокоиться! – прозвучало в ответ.

«Обожди, голубчик, – подумал я, – посмотрим, как ты забеспокоишься, когда придется ответ держать за произвол!» Такая минута наступит, зарвавшийся генерал будет наказан, я не сомневался в этом. Об одном думал с горечью: ведь то я, мне есть к кому обратиться за справедливостью. А окажись на моем месте обычный человек, не имеющий покровителей? А то, что экзекуции здесь проводились регулярно, не вызывало сомнений. «Ну, ничего-ничего, – злорадствовал я. – Хорошо, держиморда, что на меня наварлся! Уж я позабочусь о том, чтобы припомнили тебе всех, кого ты посмел подвергнуть пыткам!»

А вслух сказал:

– Хамить изво...

И осекся: чьи-то жесткие руки, быстро ощупав мои бедра, принялись стягивать с меня штаны! Забыв о трости, я дернул головой и получил в темечко.

– Что вы делаете, негодяи?! – заорал я вне себя от стыда и ужаса.

Кто-то невидимый оголил меня снизу, мои штаны болтались на связанных ногах, а сам я являл неизвестным мучителям срамные части тела. Я оказался не просто беззащитным, а и униженным. В голову лезли самые гадкие мысли о сути предстоящей экзекуции. Я решил застрелиться, как только получу такую возможность.

– Ну-с, сударь мой, Андрей Васильевич, – с наслаждением промолвил генерал, – для начала попробуем вас на крепость.

Он ударил тростью в пол. Я взревел от жгучей боли – внизу полоснули кнутом по ягодицам. На глаза навернулись слезы. Но и некоторое облегчение я почувствовал: выпороть, значит, меня решили! Больно, конечно, но не повод стреляться.

Я отдышался, боль притупилась. Генерал назидательным тоном промолвил:

– Сударь мой, Андрей Васильевич, я накажу тебя несильно... но так, чтоб запомнил!

Трость врезалась в пол, кнут прошелся по ягодицам. Я вскрикнул, но заставил себя стиснуть зубы, только стон глухой и вырывался наружу. Трость – в пол! Кнут жахнул по заду! Несильно, называется!

Я стонал, стиснув зубы, но держался, не кричал больше. Генерал трижды грохнул тростью в пол. Неизвестный палач осыпал меня убийственными ударами. Я терпел и стонал, рискуя стереть зубы до десен. Потом закричал. Но чем пронзительнее орал, тем сильнее старался мучитель. Наконец, я потерял сознание...

Глава 2

Я очнулся от боли. Чьи-то руки – я сразу почувствовал, что не злые, – прикоснулись к моим ягодицам, причинив мне новые страдания. И еще чьи-то нежные пальчики пробежались по моей шее, по щекам, по затылку.

– Тише-тише, миленький, – послышался девичий голос.

Я открыл глаза, обнаружил, что покоюсь щекой на мягких коленях, поднял голову и увидел зеленые глаза, рыжие волосы и солнечные веснушки.

– Где это я? В раю? – прошептал я.

– Вы в моем заведении, – раздался еще один голос.

Женщина говорила по-русски, но с французским акцентом.

– От ангельской обители мы далеки, – продолжила она, – но дарим райские наслаждения. Правда, вам сейчас решительно не до них...

– А вы кто? – спросил я.

– Мадам Шерамбо, – ответила хозяйка, жгучая брюнетка в желтом платье с черной кашемировой шалью.

– А как я сюда попал? – спросил я.

– Квартальный надзиратель доставил вас, – поведала рыжая девица, на податливых коленях которой покоилась моя голова, – и велел позаботиться.

– Что ж, – я воздел очи горе, – Heus-Deus⁴, не забудь, зачти ему, когда предстанет пред тобой.

Мадам Шерамбо с осуждением покачала головой и перекрестилась.

– Ох, дамы, дамы, – вымолвил я. – А валяться-то мне некогда. Нужно срочно идти. Дела!

– Как же вы пойдете?! – удивилась мадам Шерамбо. – Вам бы отлежаться. А еще лекаря нужно дожидаться. Мы послали за господином Хренькиным. Да и кто ж в такую пору по гостям-то пойдет?

Судя по акценту, она и впрямь была француженкой.

– А который теперь час? – спросил я.

Девушка глянула в окно и заявила:

– Ночь.

Очевидно, она имела самые общие представления о времени, но, судя по уверенному голосу, знала, что ночь еще не скоро закончится. Я обнял ее ноги и сильнее прижался к коленям. Мадам Шерамбо, заметив мои поползновения, решила, что покой мне куда нужнее, нежели чрезмерная ласка.

– Оставайтесь до утра. Доктор Хренькин обработает ваши раны, и, будем надеяться, более вас не побеспокоят. Вы отдыхайте, а если что-то понадобится, Алета, – хозяйка сделала ударение на имени, – будет за стенкой, стучите.

Она прикоснулась к плечу девушки. Та поднялась с посте-

⁴ Heus-Deus (лат.) – Эй, Бог! (игра слов: Heus! – Эй! Deus – Бог).

ли, переложившая мою голову на подушку и вышла из комнаты.

– Полежите немного, попробуйте не шевелиться, – промолвила мадам Шерамбо. – Лекарь появится с минуты на минуту.

Она оставила меня одного. Я вновь воздел очи горе, наткнулся взглядом на распятие, висевшее на стене, и пробормотал:

– Зачет, Neus-Deus, и этим женщинам тоже зачет.

Помолившись, я расслабился, глаза сами собой сомкнулись, – сказалось нервное напряжение. Но едва задремал, как хлопнула дверь и заскрипел паркет под осторожными, но тяжелыми шагами. Я притих, испугавшись нарушить живительный сон.

– Я по вашу душу, – раздался вкрадчивый баритон.

Жесткие руки коснулись высеченного места, я вскрикнул от боли:

– Вы же сказали, по мою душу, а хватили за задницу!

– Я Хренькин, лекарь, – представился вошедший.

– А я думал, палачи вернулись, – процедил я сквозь зубы.

Он принялся обрабатывать мои раны. А я вообразил, как Алета, откинув рыжие локоны, с открытым ротиком прислушивается к тому, что здесь происходит, стиснул зубы и терпел. Глупость, конечно: наверняка она легла спать и еще неизвестно, достучишься ли до нее, случись надобность. И все же, если б не девица за стеной, орал бы я еще громче,

чем во время экзекуции.

Доктор Хренькин знал свое дело. Он причинял мне острую боль и измучил меня сверх всякой меры, но, когда закончил, я почувствовал облегчение, словно в ту же секунду пошел на поправку, и впал в полуобморочную дрему. Я слышал, как исцелитель на цыпочках удалился, но сил не нашел ни поблагодарить, ни попрощаться. Так до утра кверху задом и проспал.

Когда же я проснулся, на душе было муторно. Пошевелился – свежие раны потревожились и прогнали остатки сна. Я вспомнил подслушанный в доме генерала разговор и обругал себя, что валяюсь в борделе, а нужно действовать!

Я постучал в стену и, преодолевая боль, поднялся с постели. Появилась Алета, а за ней мадам с фарфоровой чашечкой. Я вдохнул божественный аромат кофий, представил себе, как нынче же неприятно удивлю зарвавшегося генерала, и настроение мое улучшилось.

Вошла еще одна девица со стопкой одежды.

– Мы привели в порядок и погладили ваши вещи, – пояснила мадам Шерамбо.

– Храни вас бог, – ответил я. – А извозчика не вызвали?

– Вызвали, – кивнула мадам.

Встал вопрос: к кому ехать? Собственно, выбор невелик, да не очень-то прост: Поло⁵ или Николай Николаевич. И тот

⁵ Поло – прозвище графа Павла Александровича Строганова, назначенного в 1802 году товарищем министра внутренних дел.

и другой состояли в «партии молодых людей» и пользовались привилегией являться к государю без особого приглашения. Уже месяц, как оба стали государственными деятелями.

Душой я рвался к Паше, он был ближе – хотя бы в силу возраста. Но, обратиться я к нему за помощью, он начнет злорадоваться. Ведь только что я критиковал его: зачем поступил на службу? Как можно заниматься либеральными преобразованиями, будучи скованным по рукам и ногам должностными обязанностями той самой системы, которую собрался реформировать? Поло же отвечал, что по горло сыт болтовней, пора засучить рукава и работать. Но я не верил в искренность его слов. Тщеславие – вот что подвигало его. Высокая должность и власть соблазнили Павла Александровича. Теперь он улыбнется и не преминет заметить, что как в задницу-то меня клюнули, так и побежал я к товарищу министра внутренних дел.

Выходило, что нужно идти к Николаю Николаевичу. Он тоже поступил на службу, но с ним по этому поводу я не спорил и поэтому мог похлопотать о своем деле без ущерба самолюбию. Правда, я недолюбливал Новосильцева за англоманию. Порой спросить его хотел, каково ему было в Лондоне преспокойно практиковать физические опыты в то время, как сумасшедший Нельсон и полуживой Паркер вели английскую эскадру в Балтийское море, еще не решив окончательно, кого бить – шведов, датчан или русских? По счаст-

ливому стечению обстоятельств выбор пал на датчан, и англичане едва не сожгли Копенгаген, оставив в покое русский флот.

А самое главное, англичане придумали виски! Разве можно дружить с теми, кто вместо водки пьет эту гадость?!

Я пошарил в кармане, вытащил рубль, загадал: орел – Поло, решка – Николай Николаевич. Подбросил монету, поймал, разжал кулак – орел. Значит, к Строганову.

Но речь идет о заговоре! «Дело такое, что Россия содрогнется от ужаса!» – так сказал неизвестный злодей. Тут не до личных симпатий. Нужно к Николаю Николаевичу, к нему император охотнее прислушается, на то и назначил статс-секретарем...

Я приказал извозчику везти ко дворцу Строгановых.

Оказавшись на месте, я велел доложить обо мне Новосильцеву, и дворецкий оставил меня в большом зале и удалился. В ожидании я принялся рассматривать живописную Минерву на потолке – творение Джузеппе Валериани. Губы богини скрывали снисходительную улыбку.

– Минерва похоти привела меня к Минерве мудрости, – пробормотал я.

Вернулся дворецкий и сообщил, что старый граф приглашает меня в кабинет. Я не подал виду, но рассердился, поскольку намеревался говорить с Новосильцевым, а не с Поло или его отцом.

Я оказался среди множества книг. Сверху слышались

шаги. Старый граф спускался с антресолей, следом тяжело переваливался незнакомый мне господин. Должно быть, Александр Сергеевич показывал гостю минералогическую коллекцию.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич, – сказал я.

– Андрей Васильевич, Андрюша. – Старый граф обнял меня и трижды расцеловал. – Проходи, дорогой, проходи. Вот познакомлю вас к обоюдному удовольствию. Прошу, господа, подайте друг другу руки.

Неизвестный обладал внушительной внешностью и столь добродушным лицом, что захотелось немедленно вычеркнуть из числа смертных грехов обжорство. Он протянул мне ладонь с толстыми розовыми пальцами и промолвил:

– Я и репа.

Я оглядел его с удивлением: не пристал ли к нему какой овощ? Такого не обнаружив, пожал незнакомцу руку и сказал:

– Я и я.

Старый граф и его гость рассмеялись какой-то, понятной им двоим шутке, но неизвестный смотрел с таким добродушием, что мне и в голову не пришло обидеться. Александр Сергеевич подвел меня к столу, заваленному ветхими от времени бумагами, судя по виду, извлеченными из какого-то всеми забытого архива.

– Друг мой, представьтесь как следует, – попросил старый граф гостя.

– Яков Иванович Репа, – улыбнулся тот. – Штабс-капитан в отставке.

– Граф Воленский Андрей Васильевич, – ответил я. – Поручик в отставке.

– Присаживайся, Андрюша, присаживайся. – Александр Сергеевич взял меня за руки и потянул вниз.

Я опустилсЯ в кресло и навалился грудью на подлокотник, чтобы уменьшить нагрузку на недавние раны.

Старый граф переживал из-за моей размолвки с его сыном и наверняка взялся бы уговаривать помириться, если бы не присутствовавший Яков Иванович. Я любил Александра Сергеевича и простил бы Поло, только чтобы не огорчать его отца.

– Как твои дела? Чем занят? – спросил старый граф. Я развел руками.

– Послушай, Андрюша, ты мог бы поработать с нами, мы вдвоем не справляемся, – промолвил он, указав на кИпы пожелтевших бумаг.

– А что это? – Я насторожился.

– Ты знаешь, голубчик, – вздохнул старый граф, – в петербургских тюрьмах столько народу томится. Почти пять тысяч дел.

– Четыре тысячи восемьсот сорок пять, – уточнил Яков Иванович.

– Многие совершенно безвинные, – продолжил старый граф. – А дела их не рассматриваются годами.

– Ах, так это дела и есть, – догадался я.

Граф Александр Сергеевич занимался ревизией заключенных. А привлекая меня к своему делу, он добивался обходным манером и еще одной цели – примирить меня с Поло: а куда бы я делся, работая в их доме?!

Честно говоря, я и сам не собирался долго дуться на Павла Александровича, но хотел хоть чуть-чуть выдержать характер. А старому графу относительно его занятий решил высказаться начистоту.

– Александр Сергеевич, Яков Иванович, – начал я. – Вы заняты благородным делом, но боюсь, что ваш кропотливый труд пропадет втуне. Сами судите. Сколько невинных чело-
век удастся вам спасти из пяти тысяч несчастных? Десять? Двадцать? Пусть даже сто! А за это время в застенки попадут новые тысячи! Тут, Александр Сергеевич, нужно действовать...

Я хотел сказать «масштабно», но умолк, испугавшись, что произнесенное вслух слово обидит старого графа и штабс-капитана Репу. Они, пожалуй, решат, что я их занятие мышинной возней считаю. И я лишь потряс руками, изобразив, как нужно действовать, и чуть не взыв от боли, поскольку, лишившись опоры, сполз на иссеченные ягодицы.

– Андрей Васильевич тысячу раз прав, – поддержал меня Яков Иванович. – Он молод, у него полно сил, энергии! Глупо тратить молодость на бумажную волокиту.

Я взглянул на штабс-капитана Репу с благодарностью.

А про себя стал прикидывать: сколько же ему лет? Внешность столь представительных господ, как он, зачастую обманчива. В молодости они выглядят старше своих лет, зато в зрелых годах полнота разглаживает морщины, преуменьшая истинный возраст. Я решил, что господину Репе лет сорок – сорок пять. Не так уж и стар.

– Нельзя талант закапывать в землю, – назидательным тоном произнес старый граф. – Вот тебе, Яков, с твоей памятью на числа место в Министерстве финансов! Я обещал и обязательно добьюсь твоего назначения...

– Да что вы, право, – смутился Яков Иванович.

– Не все же тебе благотворительностью заниматься. Это удел стариков. Вот выйдешь в отставку, будут окружать тебя дети, внуки, тогда и вернешься к этому занятию. А пока есть силы, молодость...

– Да уж какая молодость, – отмахнулся отставной штабс-капитан. – Да и претендентов там без меня хватает...

Последние слова он произнес с некоторым сожалением, и я понял, что втайне Яков Иванович лелеет мысль о карьере на финансовом поприще.

– А тебе, кстати! – Александр Сергеевич повернулся ко мне. – Не пойти ли на службу в Министерство юстиции? Ты бы смог в полном объеме применить свои силы! Я бы поговорил с Гаврилой Романовичем...

– Покорнейше благодарю, Александр Сергеевич, – ответил я.

Голос прозвучал несколько резко. Но, признаться, теперь забота старого графа обижала меня. Я был противником официальных должностей, и Александр Сергеевич знал об этом. Собственно, и размолвка с Поло вышла из-за того, что тот вместе с графом Кочубеем возглавил Министерство внутренних дел. Я полагал, что действительные реформы можно провести, лишь оставаясь членами негласного комитета, не связывая себя по рукам и ногам устоявшейся рутиной.

На словах друзья соглашались со мной. Но с месяц тому назад государь объявил манифест об образовании министерств, и одновременно для каждого из них сыскалось теплое местечко: Кочубей стал министром внутренних дел, Поло — товарищем, а Новосильцев получил должность статс-секретаря его величества, оказавшись по сути выше всех министров и членов Сената. Из всей партии молодых людей только Чарторыйский отказался от назначений. Правда, я подозревал, что князь Адам выторговывает себе особые условия.

Если бы теперь государь предложил мне должность, я согласился бы, все равно один в поле не воин, тем более что и в негласный комитет я никогда не входил. Потому-то забота Александра Сергеевича и уязвляла мое самолюбие. Другой назначал сам император, а мне предлагалось довольствоваться тем, что за меня замолвят словечко министру. А еще я догадывался, что старый граф Строганов попросту хочет

польстит мне, делая предложение изначально бессмысленное, ведь назначение товарища министра – прерогатива императора.

– Между прочим, это как раз Гаврила Романович и назвал нас «якобинской шайкой», – напомнил я.

– Гаврила Романович человек порядочный, глубоко порядочный. А что про вас не очень лестно отозвался, так исключительно из-за радения за дело. Уж больно молоды вы, опыта не имеете, это и смущает Гаврилу Романовича, – промолвил старый граф с большой озабоченностью в голосе.

Появился лакей и доложил, что Новосильцев ждет меня в павильоне.

– Позвольте откланяться, Александр Сергеевич. – Я поднялся из кресла.

– Ступай, голубчик, ступай, – сказал старый граф и, задумчиво кивнув на стол, добавил: – Всего тут...

И перевел вопросительный взгляд на Якова Ивановича.

– Четыре тысячи восемьсот сорок пять человек, – сказал тот.

– Да, вы говорили «почти пять тысяч», – кивнул я.

– «Почти пять тысяч дел» – это так, статистическая прикидка, – усмехнулся Александр Сергеевич. – А четыре тысячи восемьсот сорок пять человек – это живые люди, оказавшиеся в нечеловеческих условиях. И у каждого есть родители, у многих жены и дети. Все эти люди тоже несчастны. Вот посмотри...

Александр Сергеевич взял несколько папок, лежавших отдельной стопкой, и протянул мне. Яков Иванович вздрогнул и странно двинул руками, как если бы пытался остановить старого графа, но в последнее мгновение не решился. Последовавшие слова Александра Сергеевича объясняли реакцию штабс-капитана.

– Видишь? Здесь пять дел. Ими занимался Яков Иванович. Пять человек вернулись на свободу, для них закончился ад, в котором они оказались при попустительстве власти. Пять человек. Вроде немного. Но ты подумай! Пять жен обняли своих мужей! Дети приголублены отцами! А у многих и родители живы! Какое счастье для стариков! А все наш скромный друг Яков Иванович...

Штабс-капитан Репа замахал руками, застенчиво улыбаясь.

– Полно вам, полно, Александр Сергеевич! – воскликнул он. – Моя заслуга совершенно невелика! Вот вы! Вы настоящий спаситель!

По глазам Якова Ивановича я видел, что в действительности он доволен – очень доволен! – словами старого графа. И я подумал, что это как раз тот случай, когда в подобном довольстве нет ничего предосудительного. Дай бог каждому падкому на лесть человеку заслужить эту лесть столь благородным делом.

– Только вообрази. – Старый граф поднял одну из папок. – Несчастный томился в застенке только за то, что посмел по-

свататься к барышне против воли ее родителей. Папаша девицы упек его. Будь моя воля, я бы этого тестя самого месячишко в каземате подержал.

– Ну, в крайности не стоит впадать, – смущенно промолвил штабс-капитан.

Чтобы польстить Якову Ивановичу еще больше, я не спеша перелистал каждое дело и даже пробежал глазами документы. А затем вернул все пять папок ему, с чувством пожал руку и сказал:

– Слава богу, есть такие люди, как вы! Я обязательно подумаю над предложением Александра Сергеевича.

Я не кривил душой, я действительно завидовал Якову Ивановичу, потому что он делал благое дело, сознавал это и получал удовлетворение от содеянного. А я покидал кабинет старого графа с тяжелым чувством, словно сам и был виноват в несчастьях людей, чьими судьбами занимались Александр Сергеевич и Яков Иванович.

Но я твердо знал, что в первую очередь необходимо обуздать таких, как тот генерал, что истязал меня в своих владениях.

Николай Николаевич в шлафроке из китайского шелка принял меня в кабинете.

– Садись поближе к камину. – Он указал на кресло, а сам прилег на оттоманку.

Раны измучили меня, и я с большей охотой постоял бы,

но возвышаться колонной над Николаем Николаевичем показалось неловко. Целую вечность с болезненной осторожностью опускался я в кресло. Новосильцев, заметив мои ухищрения и страдальческие гримасы, спросил:

– Что с тобой, братец?

– Пустяк, – махнул я рукой. – Последствия романтического свидания интимного, так сказать, свойства.

Николай Николаевич изумленно вскинул брови.

– Хотя, собственно, и не пустяк! Очень даже не пустяк! Именно потому и пришел я к вам с утра пораньше! Странная история приключилась со мной ночью! Я столкнулся с таким произволом! Надо бы положить конец подобному самодурству!

Новосильцев замахал руками:

– Помилуй, Воленс-Ноленс! Говори по порядку. Что стряслось?

Я несколько стушевался, сообразив, что не продумал заранее, как рассказать Николаю Николаевичу о случившемся. Впрочем, что тут голову ломать – пикантные подробности оставить за скобками и говорить о самом важном: о произволе и заговоре!

– Полицейские, Николай Николаевич, задержали меня и пороли!

– Как это? Что ты такого натворил?

– В том-то и дело, что ровным счетом ничего! Они учинили произвол...

– Но как это случилось? Ты шел по улице или ехал куда-то?

– Я шел по Караванной, как раз свернул к Аничкову мосту, тут-то они и налетели!

Новосильцев улегся поудобнее и снисходительной улыбкой подал знак, чтобы я продолжал. Я невольно попытался подобно собеседнику изменить позу, чем доставил себе нестерпимые муки, и замер загогулиной.

– И где ж тебя так отделали? – Он с напускной жалостью окинул мою фигуру. – В околотке?

– В том-то и дело, Николай Николаевич, что не в околотке! А увезли меня в частный дом какого-то генерала! А у него пыточная обустроена непосредственно в кабинете!

– Генерала? – удивился он.

Я хлопнул себя по коленям от досады, что несу всякий вздор, привел Николая Николаевича в полнейшее недоумение, а самого главного так и не сказал. А все потому, что инициативу разговора перехватил Новосильцев.

– Вот-вот, генерала. Я же говорю, он устроил пыточную в своем доме и позволяет себе...

– Так что же он ни с того, ни с сего решил издеваться над тобой? Или вы что-то не поделили? – с подозрением спросил граф.

– Сначала повздорили, – подтвердил я. – Но потом я спас его от разбойника!

Николай Николаевич снова всплеснул руками, изобразив,

как я запутал его своим рассказом.

– Из-за чего вы повздорили? – осведомился он.

– Да так уж вышло, что я сбил с него треуголку...

– Как? – удивился Новосильцев. – Что-то я не пойму тебя, братец. Сначала ты говоришь, что над тобой учинили произвол. Потом выясняется, что ты нанес оскорбление незнакомому генералу. Где это произошло?

Отступить было некуда. Нужно было рассказать Новосильцеву правду.

– Видите ли, Николай Николаевич, я столкнулся с генералом на черной лестнице в доме Дмитрия Львовича Нарышкина.

– А что ты там делал?

Будь на его месте Поло, мы бы посмеялись от души над тем, как я потерпел фиаско на любовном фронте. Но Николай Николаевич был намного старше нас, и язык не поворачивался даже в самых учтивых выражениях рассказывать о волокитстве за Марией Антоновной. Тем более что рассказывать об этом предстояло не кому-нибудь, а статс-секретарю императора. Отчего-то пришло мне на ум, что стоит изъясниться по-английски. Казалось, что на малознакомом мне языке слова прозвучат как бы понарошку.

– Видите ли, Николай Николаевич... – Я замялся, вспоминая, какое выражение можно применить. – У меня с княжной намечался, так сказать, небольшой lap-clap⁶...

⁶ Lap-clap (англ. жарг.) – перепихон.

– Lap-clap? – переспросил он.

– Lap-clap, это по-английски, – пояснил я и, увидев еще большее удивление на лице Новосильцева, добавил: – Думал заглянуть в marble-arch⁷, так сказать... пройтись по бристолям, так сказать...

– По бристолям? – Собеседник решительно ничего не понимал.

– Ну да. Так сказать, Bristol cities⁸ – Я ффривольным жестом изобразил прелести Марии Антоновны.

– Братец! – всполошился Николай Николаевич. – Правильно ли я понимаю, что ты говоришь о...

– ...Нарышкиной, – закончил я и кивнул.

– О господи! – Новосильцев всплеснул руками. – Час от часу не легче! Братец, что ты несешь? Говоришь, тебя незаслуженно наказали, а оказывается, ты оскорбил генерала и покушался на добродетель царской фаворитки! С этого бы и начинал!

– Но это не самое главное! – взвыл я.

– О господи! Что еще ты успел натворить? – вскрикнул Новосильцев и, театральным жестом заткнув уши, добавил: – Не вздумай сказать о бристолях Елизаветы Алексеевны⁹!

⁷ Marble-arch (англ. жарг.) – женские гениталии (от marble arch – мраморная арка).

⁸ Bristols – от Bristol cities (англ., cockney), заменяет слово titties – сиськи.

⁹ Елизавета Алексеевна – императрица, супруга Александра I, до замужества и перехода в православие Баден-Дурлахская принцесса Луиза-Мария-Августа.

Не хочу ничего слышать!

– Заговор! – выдал я. – Речь идет о заговоре!

– Ты еще и заговор организовал?! – Николай Николаевич расхохотался.

– Да нет же! При чем здесь я?! Там был какой-то незнакомец...

– У Нарышкиной?

Я заскрежетал зубами, а на губах собеседника блуждала снисходительная улыбка.

– В доме у генерала, – сказал я. – Вы смеетесь, а тут не до смеха. Незвестный говорил о каком-то чудовищном преступлении. Оно еще не совершилось, а только планируется.

– И что? – Новосильцев смотрел на меня с умилением. – Они задумали свергнуть императора?

– Нет, слава богу, нет. Они хотят отстранить вас от императора.

– Меня? – В голосе статс-секретаря появилось раздражение.

– Шайку якобинцев, так они сказали, – пояснил я и добавил: – Уверен, что подразумевали вас, Поло, Кочубея и князя Адама.

– Тоже мне заговор! – рассмеялся Новосильцев. – Можешь, братец Воленс-Ноленс, добрую половину Санкт-Петербурга в заговорщики записать, да и Москву. Москву в особенности, там теперь прозябают все, кто прежнее поло-

жение утратил. Конечно, ненавидят нас, и мечтают государя отворотить от нас, а может, и интриги плетут. Но не стоит на них силы тратить. Бог с ними! Тоже мне заговор!

Я хотел возразить, но вошел лакей и доложил о прибытии князя Чарторыйского.

– Вовремя, – промолвил Николай Николаевич. – Зовите сюда...

– Я уже тут, – раздался голос князя Адама.

Он вошел в гостиную. Мы поднялись навстречу. Новосильцев и Чарторыйский обнялись, а затем князь Адам протянул мне влажную холодную руку:

– Здравствуй, граф Воленс-Ноленс.

– Подай-ка нам кофию, – велел Николай Николаевич лакею.

Чарторыйский опустился в кресло.

– Представляешь, Сармата¹⁰, наш Воленс-Ноленс раскрыл заговор, – усмехаясь, сообщил Новосильцев князю Адаму. – Или организовал? Мы еще не разобрались до конца!

Чарторыйский, настроившись на розыгрыш, с любопытством посмотрел на меня.

– Николай Николаевич, уверяю вас, тут дело серьезное! – с досадой нахмурился я. – Они замыслили что-то страшное! «Россия содрогнется от ужаса!» – незнакомец так и сказал. Александра Павловича обозвал человеком безвольным.

¹⁰ Сармата – прозвище князя Адама Чарторыйского, которое ему дал граф Н. П. Панин.

А цель-то у них – навязать государю нового фаворита! Кого-то из старых вельмож. Мало того, сановник этот уже был у императора, но отказался от назначения. Получается, Александр Павлович сам и приглашал его! Понимаете, Николай Николаевич? А тот отказался, но отказался из тактических соображений!

– О чем это вы? – спросил Чарторыйский.

Слава богу, настрой на веселый лад у него пропал. Я хотел пересказать все с начала, но Новосильцев и тут перехватил инициативу. Он в двух словах поведал князю Адаму о моих злоключениях, да так, что под конец я и сам едва сдержался от смеха. Но к моему удовольствию Чарторыйский взволновался не на шутку.

– Кто бы это мог быть? – призадумался он. – Кого из прежних вельмож Александр может призвать?

– Они называли его Длинным, – подсказал я.

– Пален или Беннигсен, – ломал голову князь Адам. – И встречался Александр с ним, выходит, не посоветовавшись с нами...

– Потому что мы медлим, слишком медлим! – воскликнул я. – А императору нужен результат. Больше года прошло, только говорим, воздух сотрясаем! А что сделали? Коллегии упразднили! Либеральные преобразования, называется!

– Тебя, брат Воленс-Ноленс, не поймешь, – развел руками Новосильцев. – То ты на Поло нападаешь – не нравится тебе, что он служить пошел, то гневаешься, что сделано мало!

– Так ведь смотря как делать! Вы же сами провозгласили: «Ничего для себя – ни наград, ни привилегий!»

– Хороша привилегия! – воскликнул Николай Николаевич.

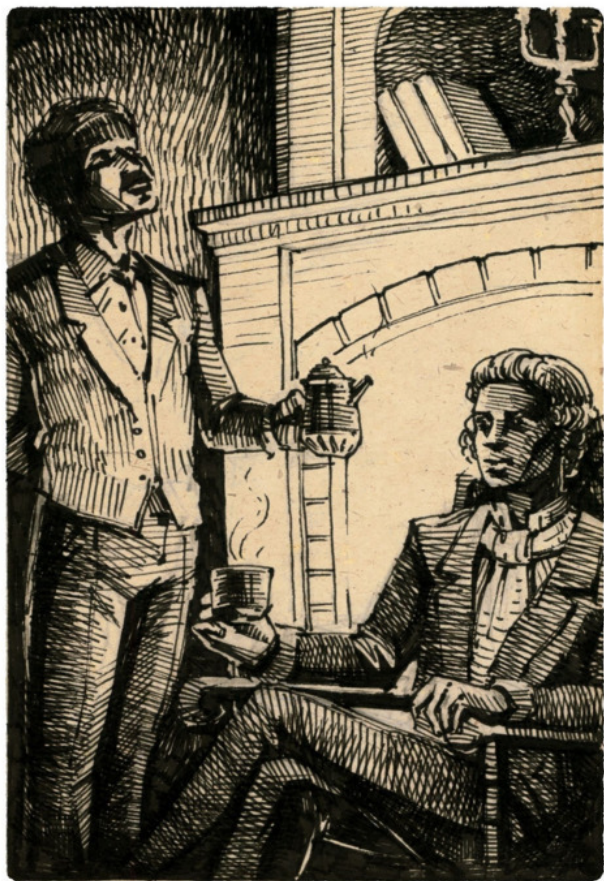
Вошел лакей с подносом, расставил три чашечки кофиа и хотел удалиться, но Новосильцев удержал его:

– Савелий, стой тут с кофейником и подливай кофиа графу Воленскому, как только заметишь, что его чашечка наполовину опустела.

Лакей поклонился и встал за моим креслом. Я пропустил колкости Новосильцева по поводу кофейных чашечек мимо ушей и продолжил:

– Невозможно заниматься преобразованиями, будучи частью системы.

– Воленс-Ноленс отчасти прав, – вступился за меня князь Чарторыйский. – Действительность ломает железной пятой. Именно потому и государь, будучи верен в душе передовым идеям, на деле ищет компромиссы со старыми сановниками.

– Почему же – отчасти?! – воскликнул я. – Вы же сами говорите: действительность ломает железной пятой!

– Потому что с другой стороны есть риск всю жизнь постоять на обочине истории эдаким фрондером, – ответил князь Адам.

Я сделал маленький глоток кофия и поднял чашечку к горящим свечам. Огонь просвечивал через нежный фарфор. Изображенные в китайском стиле павлин и алые розы играли волшебными красками.

– Это веджвуд, – ревнивым голосом обронил Новосильцев.

– Вижу. – Я поставил чашечку на столик, лакей подлил кофия, я взглянул на князя Чарторийского и с воодушевлением продолжил: – Я не предлагаю сидеть на обочине. И, по моему, представился подходящий случай проявить себя. Давайте произведем расследование, выясним, что это был за генерал! – Я повернулся к Новосильцеву. – Вы доложите государю. Царь накажет его за произвол...

– Что мы доложим? – Новосильцев перебил меня с нотками раздражения в голосе. – И не нужно никакого розыска! С генералом и так все понятно. Кстати, а он-то что делал на черной лестнице?!

– Вот и я его спросил об этом! – обрадовался я. – Собственно, из-за моего вопроса и случилась потасовка. Думаю, старый ретроград вздумал волочиться за княжной!

– Ох, уж эта Нарышкина, – вздохнул Николай Николаевич.

– Выгнала нас обоих, – сообщил я.

– И правильно сделала!

– В разгар потасовки вышла на лестницу. Незнакомец кричал, что я вор, и требовал позвать людей! А она велела убираться обоим!

– Княжна Нарышкина дошла до того, что встречает кавалеров на черной лестнице, – брезгливо хмыкнул князь Адам.

– Генерал этот негодяй! Я спас его от разбойника! – вставил я.

Чарторыйский хлопнул себя по коленям от удивления. Новосильцев поднял палец: мол, об этом-то и запомнили.

– Да! Братец, ты говорил, что спас этого генерала! Честно говоря, с тобой выходит совершеннейшая путаница!

– Никакой путаницы, – проворчал я. – Генерал пошел первым, а я задержался из желания досадить ему. Пусть, решил я, уйдет и мучается ревностью, пусть думает, что княжна все же пустила меня!

– Господи! – всплеснул руками Николай Николаевич. – Порой мне кажется, что слушаю юнца из кадетского корпуса!

– Так вот, – продолжил я, не обращая внимания на обидные выпады Новосильцева. – Генерал спустился вниз, хлопнула дверь, я подумал, что он вышел. Но оказалось, это кто-то еще вошел и сразу же напал на генерала. Неизвестный с сильным акцентом потребовал отдать то, что генералу пе-

редала Коломбина...

– Коломбина? – переспросил князь Чарторыйский.

– «Коломбина», так он сказал, – подтвердил я и добавил, имитируя иностранный акцент: – «Отдайте! Отдайте то, что вам дала Коломбина! Или смерть!»

– Ух ты! – вскрикнул Новосильцев. – Какие страсти!

– Мне стало не до шуток, и я поспешил вниз. Незнакомец чем-то угрожал генералу! Наверно, у него был кинжал или шпага, – я не разглядел в темноте. Я бросился на помощь, и разбойник, увидев, что силы не на его стороне, ретировался. Генерал выскочил за ним, – оказалось, на улице его поджидала карета, – и погнался за тем неизвестным.

– А ты? – спросил Николай Николаевич.

– А я пошел в другую сторону. Но у Аничкова моста меня схватили...

Новосильцев замахал руками, чтобы я замолчал.

– Это мы уже слышали!

– И это называется благодарность! Я его спас, а он приказал пороть меня! – фыркнул я.

– Так он не волочиться за Нарышкиной приходил, она должна была что-то передать ему, – догадался князь Адам. – Правда, не слышал, чтобы кто-то называл ее Коломбиной. Дафной – да, Аспазией...

«А еще Минервой похоти», – добавил я мысленно.

Николай Николаевич поморщился и махнул рукой, показывая этим жестом, что этому эпизоду, да и всей истории

не стоит придавать большого значения.

Я сделал глоток кофья, лакей немедленно поднес кофейник, но я остановил его:

– Благодарю, любезный. Больше не нужно.

– Савелий, не слушай графа! – велел Новосильцев и со смехом добавил: – Есть надежда, что полную чашечку Андрей Васильевич не спрячет в карман.

– Послушайте, мне не до шуток, – насупился я. – Вы говорили, что с генералом все понятно. Что же вам понятно?

– Треуголку ты сорвал или у военного губернатора, или у обер-полицеймейстера, или у военного коменданта, – с выражением превосходства ответил Новосильцев. – Четвертого не дано.

– То есть тебя мог проучить фельдмаршал граф Каменский Михаил Федотович, князь Долгорукий Сергей Николаевич или Эртель Федор Федорович, – подтвердил Николай Николаевич. – Но Эртель и Долгорукий еще не стары. Судя по описанию, это был генерал-губернатор.

Я вспомнил круглое лицо невысокого, широкого в плечах фельдмаршала, – я видел его много раз в «Новых Афинах». Ну конечно же! Именно с ним я и столкнулся на черной лестнице! И голос его был знаком, а кому принадлежал, я не распознал.

Я опустошил чашечку одним глотком. Савелий наклонил кофейник и вытряхнул несколько капель.

– Военный губернатор во главе заговора! – воскликнул

я. – История повторяется!

– История повторяется в виде фарса, – промолвил князь Чарторыйский.

– Какой же тут фарс?! Они задумали нечто ужасное! – горячился я.

– А я говорю: фарс, – настойчиво повторил князь Адам. – Ты, может, думаешь, что граф Каменский взялся повторить опыт Палена? Так нет же. Нынешний генерал-губернатор настолько смешон, что повторяет самого себя.

– О чем это вы?

– Император назначил графа Каменского военным губернатором, когда тот раскрыл заговор по доносу поручика Шубина, – пояснил князь Адам. – Правда, потом выяснилось, что Шубин... пошутил. Но дело было сделано: император сместил Кутузова с должности военного губернатора и поставил Каменского.

Я вспомнил, что видел фамилию некого Шубина в числе счастливых, стараниями Якова Ивановича Репы отпущенных из каземата. Не тот ли это поручик, что выдумал заговор против императора?

– Уверен, эти заговорщики настроены серьезно, – покачал я головой.

– Заговорщики – возможно, – согласился князь Чарторыйский. – А Каменский, будь уверен, в нужный ему момент предаст их. В последнее время император охладел к нему. Фельдмаршал рассчитывает вернуть прежнюю благосклон-

ность.

– Савелий, у графа пустая чашка, – с укоризной промолвил Новосильцев.

– Кофий кончился, – со скорбью ответил лакей.

– Тогда просто следи, чтобы граф не положил чашечку в карман, – приказал Новосильцев.

Я возвел очи горе, намекнув Николаю Николаевичу, что его колкости считаю несвоевременными, а вслух сказал:

– Не понимаю, господа, почему вы с таким легкомыслием относитесь к моим словам?! Настоящий ли это заговор или козни генерал-губернатора, – в любом случае необходимо доложить императору! И прекратить произвол! Где это видано – схватить на улице человека и сечь! Хорошо еще не на конюшне!

Новосильцев расхохотался, затем подался вперед и похлопал меня по коленке.

– Ну-ка, братец, позволь немного пофантазировать... Именно пофантазировать, потому что невозможно и представить себе, чтобы докладывать императору всю эту чепуху.

Я вспыхнул, подпрыгнул в кресле, готовый вновь убеждать, доказывать, казалось, вот теперь красноречие вернулось, и прозвучат неотразимые доводы. Но Новосильцев скривился, поднял руку и с тяжелым вздохом опустил веки, показав, что выслушал меня достаточно и знает наперед все, что я еще могу сказать. Я с надеждой взглянул на князя Чарторыйского, но и он подал знак, чтобы я не спорил

с хозяином дома. С трудом подавив возбуждение, я плюхнулся в кресло и чуть не взвыл. Переборов боль, я чинно сложил руки, приготовившись перетерпеть рассуждения Николая Николаевича, но заранее настроившись не согласиться с ними.

– Итак, братец, – продолжил Новосильцев, – как ты себе представляешь доклад Александру Павловичу? Вот я предстаю перед государем и говорю: ваше величество, наш друг зашел for a cup of lap-clap к Марье Антоновне, да-да, ваше величество, к той самой, с которой вы изволите состоять в известных отношениях, а попутно и заговор раскрыл...

Я не выдержал, снова приподнялся в кресле и закричал:

– Так для того-то и пришел я к вам, Николай Николаевич, чтобы вы посоветовали, как быть! И еще... Марья Антоновна, выходит, тоже в заговоре участвует...

– А это с чего ты взял? Не с того ли, что lap-clap не удался? – Новосильцев ясно дал понять, что мои слова уже не просто чепуха, а скорее бред сумасшедшего.

– Да что же вы сегодня так странно шутите?! Все какие-то недостойные вещи мне приписываете! – возмутился я. – Она передала графу Каменскому деньги для заговорщиков! Я это понял совершенно точно. Фельдмаршал сам сказал своему гостю, что деньги чуть было не отнял у него разбойник.

– От которого ты его спас, – уточнил князь Адам. – Вот именно, – подтвердил я.

– Я же говорил, фельдмаршал не волочился за Нарышки-

ной, а приходил по какому-то делу, – продолжил Чарторыйский.

– Из чего вовсе не следует, что Нарышкины участвуют в заговоре, – добавил Новосильцев. – Вряд ли Каменский поделился с ними планами насчет этих денег. А главное, вообще сомнительно, чтобы Нарышкины снабжали кого-либо займами. Известное дело, Дмитрий Львович сам в долгах. Его бесконечные балы да приемы обходятся недешево.

– И это прозвище – Коломбина, – повторился князь Адам. – Никто так Нарышкину не называет.

Я с удовлетворением заметил, что друзья увлеклись и, сами того не заметив, перешли на серьезный тон.

– В любом случае не оставлять же безнаказанным фельд-маршала! Не для того государь назначил его военным губернатором, чтобы он чинил беззаконие, – сказал я и пожалел об этом.

Моя филиппика пробудила Николая Николаевича. Он вспомнил, что не собирался придавать значения случившемуся со мной.

– Беззаконие, говоришь? – вскинул он брови.

– Да где ж это видано – человека кнутом пороть! А? Николай Николаевич! – Я пошел в атаку, решив – пан или пропал. – Вы же, вы ближайшие сподвижники государя! Для чего же ваш комитет? Разве не для того, чтобы таких губернаторов в шею гнать?! Господи! Да мы же молоды, полны сил, сам царь на нашей стороне! Все в наших руках! Вспомни-

те, как год назад мы вернулись в Россию, – весна, оттепель, император сам призвал нас, все в наших руках! Нельзя упустить этого шанса! Как сто лет назад Петр развернул Россию лицом к Европе, так и мы! Мы можем превратить Россию в европейское государство, с конституцией, с правами...

– Эх ты разошелся, – покачал головой Новосильцев.

– Год прошел, а воз и ныне там! – отрубил я. – Еще хуже сделали. Коллегии упразднили, вместо них министерства. Говорили об ограничении самодержавной власти, а на деле усиливаем ее! Разве этого от нас ждет история? Сам император сказал: «Дайте мне конституцию»! А мы – что?

– Вот завелся, – нахмурился Николай Николаевич. – Гнать, говоришь, фельдмаршала в шею... А взамен – кого? Сам же на нас нападаешь за то, что на службу пошли!

– И буду нападать! – с горячностью воскликнул я. – Знаете, что Александр Николаевич говорил мне?

– Сделай милость, расскажи.

– С удовольствием. Он предупреждал, что ни в коем случае не должны мы соглашаться на чины и звания. Комитет – и все. Мы вне системы. Мы должны быть над ней, и только тогда сможем реформировать ее. А изнутри ничего не выйдет, система переломает нас, под себя подомнет! Вот Радищев, царство ему небесное, – я перекрестился, – и предупреждал об этом. Говорил, что противники наши заманят нас в ловушку. Скажут, хватит болтать, пустые слова, какими бы ни были передовыми, никому не нужны. Покажите

на деле, на что вы способны! Идите-ка, поработайте: ты – министром, ты – губернатором. И как только мы согласимся, тут же и проиграем.

Я повернулся к Чарторыйскому, ища поддержки, ведь князь такой удачный образ подобрал – «действительность ломает нас железной пятой!». Хорошо сказал. Но теперь умолк. Впрочем, несмотря на байку про поручика Шубина, он, как я видел, мои слова серьезно воспринял. А молчал, видимо, потому, что не хотел тратиться на пустые споры. Князь Адам сидел, задумавшись. Остывал нетронутым его кофий. Мысли Чарторыйского витали далеко за пределами этого дома, но очевидно, что их ход направлялся полученными от меня сведениями.

– Ну, давайте, давайте с малого начнем! Доложите государю о выходках военного губернатора, – предложил я.

– Так ты за идею борешься? Или отомстить обидчику ищешь способ? – спросил Новосильцев. – Не отвечай, не важно. Послушай дельного совета, Воленс-Ноленс. Забудь ты эту историю...

– Какую? – насупился я.

– Все, что с тобой случилось. Раны до свадьбы заживут. Глядишь, еще и Михаила Федотовича погулять пригласишь.

– Значит, говоришь, они называли его Длинным, – очнувшись вдруг, промолвил князь Адам. – А ведь и Николай Зубов человек сложения атлетического.

– Исключено, – глухо произнес Николай Николаевич. –

Я уверен, никогда Александр никого из братьев Зубовых на службу не вернет.

Хозяин дома преобразился, признаков веселости как не бывало. Он смотрел на Чарторыйского с укором, а когда взгляды их встретились, Николай Николаевич с сожалением потупил взор.

Князь Адам улыбнулся натужно, потер руки, проглотил холодный кофий и сказал:

– Значит, Воленс-Ноленс, говоришь, по бристолям пройтись... Княжны Нарышкиной...

– Ладно, друзья мои. – Я поднялся из кресла. – Пожалуй, и впрямь стоит мне успокоиться. Я провел тяжелую ночь и нуждаюсь в отдыхе.

– И то правда, братец, – улыбнулся Новосильцев. – Я велю подать карету.

Он смотрел на меня так, как благодарные родители смотрят на разумное дитя, когда ребенок вовремя удаляется в свою спальню. Я понимал, едва за мной закроется дверь, Новосильцев и Чарторыйский начнут всерьез ломать голову над вопросами: кто такой этот Длинный и что затевают граф Каменский сотоварищи?

Вдруг у меня в голове словно вспыхнуло воспоминание. Я чуть было по лбу себя не хлопнул: как же это раньше не заметил столь важных фактов? Российский посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов писал, что замолвит словечко за меня двадцать восьмого октября на известном, как

он выразился, торжестве. Двадцать восьмое октября! Заговорщик в доме генерал-губернатора называл эту же дату. На этот день они запланировали исполнение черного замысла! Выходит, они намерены совершить нечто ужасное в присутствии самого императора...

Я взглянул на Николая Николаевича. Статс-секретарь его величества, конечно же, не просто знает, а сам и планирует участие императора в торжествах. Спросить его, что намечено на двадцать восьмое октября?..

– Что-то еще, Воленс-Ноленс? – Голос Новосильцева вывел меня из оцепенения. – У тебя вид такой, словно вспомнил о чем-то важном.

– Нет-нет, ничего, пустяки, – ответил я. – Тогда до скорого, – промолвил он.

Глава 3

Если бы меня выпороли второй раз, я бы меньше расстроился, чем от разговора с Новосильцевым и князем Чарторыйским. Я и вправду возлагал на визит к Николаю Николаевичу большие надежды: граф Строганов, Новосильцев, граф Кочубей и князь Чарторыйский входили в ближний круг молодого государя. Первые двое были моими друзьями. О, как я желал стать пятым членом «партии молодых людей»!

Сегодня втайне я тешил себя надеждой, что мои сведения станут поводом для представления Александру Павловичу. Я испытывал жгучую обиду каждый раз, когда по окончании приема четверо избранных удалялись во внутренние апартаменты, где их ждал государь, а я уезжал домой в числе прочих приглашенных. И винил в первую очередь своих друзей. Неужели они не могли замолвить обо мне словечко?!

Сами же твердили: ни почестей, ни наград, – ничего для себя лично! Так отчего же ревновали тогда и столь тщательно оберегали свои привилегии? Ведь и я не хотел ничего для себя лично, только служить царю и Отечеству! Но я чувствовал: доступ к его величеству – уже сам по себе такая привилегия, что все остальные награды и почести меркли в сравнении. И стыдно признать, но каждый из четверки избранных втайне жаждал остаться единственным.

Друзья не раз обещали, что поговорят обо мне с Алек-

сандром. Я с нетерпением ждал, но представление все время откладывалось, давались туманные объяснения: государь-де с осторожностью относится к новым лицам, даже с подозрительностью, нужно выждать еще немного.

Но красноречивые взгляды, коими в конце разговора обменялись Новосильцев и князь Чарторыйский, говорили о том, что я наивно стучался в наглухо закрытые двери и просил их открыть тех, кто в ответ с еще большим усердием укреплял запоры.

Недавнее письмо графа Семена обнадежило меня. Посол в Лондоне считал Англию естественным союзником России и все свои силы направлял на укрепление связей между государствами. Он питал ко мне самые теплые чувства, полагая, что именно я сыграл решающую роль в предотвращении военного конфликта между Англией и Россией в прошлом году. Поддержка графа Воронцова, без сомнения, обеспечила бы мне блестящую карьеру.

Вот почему я не решился задать Новосильцеву вопрос о двадцать восьмом октября. Семен Романович и Николай Николаевич состояли в переписке и по служебной надобности, и как друзья. Граф Воронцов написал мне, что будет в России на «известном торжестве», не сообщив подробностей, что это за торжество. Но наверняка он обсуждал свою поездку в письмах с Новосильцевым. Прояви я теперь свою осведомленность, Николай Николаевич поймет, что я рассчитываю на протекцию графа Семена.

Мои невеселые размышления прервал камердинер, мосье Каню. Он зевнул, хлопнул рукой по губам, потер ладонью подбородок, встрепенулся, разгладил усы и, будто спросонок вспомнив о чем-то важном, спросил со своим неповторимым раскатистым картавым «р»:

– Не желаете-с, сударь, жареных дроздов-с отведать?

– Дроздов так дроздов, – согласился я и, вытащив из кармана кофейную пару, приказал Жану: – На вот, помой, вытри и поставь в шкаф под стекло. И смотри, поаккуратнее мне! Веджвуд, между прочим. Английский король из такой же пьет!

Жан взял чашечку с блюдечком, повертел их в руках и поцокал языком, как будто понимал что-нибудь в фарфоре.

– Иди уж! – прикрикнул я.

Французишка скрылся и спустя пару минут подал дичь с картофельным гарниром и рюмкой водки. На золотом подносе я заметил небольшой конверт и спросил:

– А это что?

– Письмо передали вам, сударь, еще с утра-с.

– Так что ж ты молчал, каналья?! – рассердился я.

– А что же спешить? – с невозмутимым видом ответил Жан. – От писем-с этих одни неприятности! Чего еще ждать от них? В хорошем настроении разве-с человек-с будет письма писать?

– Что ты несешь?! – фыркнул я. – Образованный человек, называется! Подай сюда.

– Вы вот водочки-с еще и не выпили-с, а уже письма читать. – Мосье покачал головой.

Я вытер руки салфеткой, взял сложенный вчетверо листок, скрепленный сургучом, и поднес к лицу. От бумаги исходил тонкий запах духов. Я сломал печать. Две короткие строчки, написанные женской рукой, заставили трепетать мое сердце.

«Мой милый друг! Надеюсь увидеть вас нынче же вечером!» В нижнем левом углу стояла подпись – «L’Autrichienne»¹¹.

– Австриячка! – воскликнул я и выскочил из-за стола, едва не опрокинув дроздов.

Я схватил рюмку с подноса, единым духом осушил ее и прошелся по комнате, будучи не в силах усидеть на месте, – так прочитанное обрадовало меня. Письмо написала Мария Антоновна. Однажды я заметил, что ее имя созвучно имени казненной Марии-Антуанетты. «Надеюсь, моя судьба сложится не так трагично, как судьба L’Autrichienne»¹², – сказала княжна Нарышкина.

– Это не австриячка-с! – раздался голос мосье Каню.

Каналья имел наглость заглянуть в письмо!

– Что значит – «не австриячка»?! – возмутился я.

¹¹ L’Autrichienne (франц. игра слов) – страус-сука. От Autruche – страус и Chienne – сука.

¹² L’Autrichienne (франц.) – Австриячка, прозвище Марии-Антуанетты при французском дворе.

– То и значит-с, – буркнул французишка. – Письмо подписала какая-то сука-страус, а не австриячка-с!

– Жан, что ты несешь! Еще какую-то суку-страуса выдумал?!

– Австриячка-с пишется «L’Autrichienne», – возразил Жан. – А здесь написано «L’Autruchienne».

Я заглянул в письмо: Жан оказался прав.

– Впору шампанское пить, дружище, – улыбнулся я.

Конечно! Княжна подписала письмо этим прозвищем, заменив одну букву, отчего «австриячка» превратилась в «суку-страуса». Намеренная ошибка подсказывала, чтобы я был смелее и настойчивее в своих устремлениях.

– Вот что, дружище, – велел я камердинеру, – ступай и проследи, чтобы к вечеру привели в порядок парадный мундир. И еще. Где чашечка?

– Сей момент определяю в сервант-с, – ответил Жан.

– Возьми бутылку вина, самую лучшую, – велел я. – И пошли в дом графа Строганова Александра Сергеевича. С запиской: «Его высокопревосходительству Николаю Николаевичу Новосильцеву». А к вечеру приготовь карету, на бал поеду...

– А я? – жалким голосом протянул Жан.

– А ты повезешь! – рявкнул я.

– Сударь, возьмите извозчика-с, – взмолился французишка.

– Ты и будешь извозчиком! – отрезал я.

Я прибыл в «Новые Афины»¹³ с большим опозданием. И сделал это нарочно, чтобы проучить княжну Нарышкину. Скинул верхнюю одежду лакею, повернулся к лестнице и увидел... Михаила Федотовича Каменского. Военный губернатор стоял боком ко мне и меня не замечал.

«Вот совпадение! – подумал я. – Дойдет до того, что прав окажется Николай Николаевич, я еще и на свадьбу фельд-маршала приглашу!»

Едва я припомнил слова Новосильцева, как и он появился собственной персоной. Я открыл рот, чтобы поприветствовать старого друга, но вовремя умолк. Не заметив меня, Николай Николаевич подошел к Михаилу Федотовичу, взял того под локоть и повел вверх. Они поднимались по лестнице, о чем-то переговариваясь. Злость закипела во мне. Новосильцев решил выведать у военного губернатора сведения о заговоре, а меня и не подумал посвятить в свои планы!

Вот, значит, как! Ни почестей себе, ни наград, только заслугу в глазах императора. Завидный товар! Товар из тех, что в любой момент оборачиваются в такие почести и награды, какие за всю жизнь не скопишь бескорыстной службой!

Хотелось плюнуть на все, развернуться и бежать подальше от этого собрания. И только маленькая надушенная записка, что лежала в кармане, удержала меня. А когда я уви-

¹³ «Новые Афины» – так называли дом Дмитрия Львовича Нарышкина в Санкт-Петербурге.

дел княжну в обманчиво-простеньком платье из белого крепа, украшенного голубыми незабудками, то решил попросту махнуть рукой на все остальное. Я приложился к ее запястью, а она шепнула:

– Вы, граф, проказник.

– Не знаю, как это получилось, – горестно вздохнул я.

– Вы пропустили все танцы! И польский, и греческий – все, все пропустили.

– Но на последний танец я все же успел... – начал я.

И тут рядом с нами появился граф Каменский. Михаил Федотович приложился к ручке Марии Антоновны слюнявыми губами и проворковал:

– Вы моя пара! Вы обещали!

– Как я могу отказать распорядителю бала? – рассмеялась княжна и бросила на меня лукавый взгляд: – Нужно было не опаздывать.

Граф Каменский заметил меня и с изумлением вскинул брови. Губы его презрительно дрогнули.

– Вы тут, – выдавил он.

– Кажется, мы незнакомы, – холодно ответил я.

Он прищурился, видимо припомнив, что во время экзекуции надо мной держался так, чтобы я его не разглядел. Я улыбнулся, глядя на фельдмаршала в упор. Неожиданно он усмехнулся и сказал:

– Ну, я-то не последний человек в России, меня весь Петербург знает!

– Что, так часто выступаете распорядителем балов? – невинно спросил я.

Михаил Федотович фыркнул и отвернулся к княжне Нарышкиной. А она неожиданно сделала шаг ко мне и приколотла к мундиру бумажную розу.

– Пусть эта роза станет вашей наградой, и вам обязательно повезет, – пропела она и с нарочитой строгостью добавила: – Но смотрите не увлекайтесь!

Она одарила меня обворожительной улыбкой. Громыхнула музыка. Граф Каменский обхватил княжну за талию, и они закружились в вальсе. Пары двинулись следом одна за другой. Грудь каждого кавалера украшал какой-нибудь бумажный цветок. Вот мимо меня скользнула последняя пара, и в эту секунду передо мною появилась незнакомая девушка в платье из белого муслина, с розовой шалью и золотистым веером. Иссиня-черные тирбушоны¹⁴ придавали ее ангельскому личику демоническое обаяние.

– У вас орден того же цвета, что моя шаль, – сообщила она по-французски.

Я подхватил ее, и мы завальсировали по залу замыкающими.

– Я почти никого здесь не знаю, – сообщила Розовая Шаль. – Пожалуйста, не отлучайтесь от меня.

Я не нашелся, что ответить. Инициатива барышни обескураживала. Но, получив от княжны розовый цветок, я дол-

¹⁴ Тирбушон – прядь волос завитая в локон.

жен был найти свою пару, а не стоять истуканом. А теперь под правой ладонью теплело столь упругое девичье тело, что хотелось сподвигнуть его обладательницу на более смелые поступки, а главное – выкинуть из головы слова княжны. «Смотрите не увлекайтесь!» – предупреждала она.

На второй фигуре раскрылся замысел Нарышкиной. Танцующие разбились по четверкам, и партнерами нашей пары стала пара распорядителя и хозяйки дома. Губы фельдмаршала побелели от негодования, но он добросовестно исполнял взятую на себя роль. Мы замерли друг против друга. Я смотрел на княжну Нарышкину, – ее глаза восторженно блестели. Полагаю, озорной огонь в моих глазах Мария Антоновна принимала за ответный манифестасиён¹⁵. На самом деле я злорадствовал, воображая чувства графа Каменского. Фельдмаршал застыл, уставившись на Розовую Шаль. Наверняка он не замечал ее прелестей, а мечтал о том, как выпорот меня еще раз.

Поддавшись любопытству, я взглянул на Михаила Федотовича и... весьма удивился: он был похож на кота, заметившего, как мышь упала в банку со сметаной.

Вновь заиграла музыка. Дамы сделали легкий книксен, взмахнули веерами, двинулись в центр, взяли за руки и закружились на месте. Мы с графом Каменским пошли против часовой стрелки. Я не спускал с него глаз, но злобредный фельдмаршал с приторной улыбочкой следил за танцем на-

¹⁵ Манифестасиён (франц. Manifestacion) – проявление чувств.

ших избранниц, делая вид, что не замечает моего пристального взгляда.

Мы описали полукруг и вновь соединились – каждый со своей дамой. Нарышкина улыбнулась мне. Блеск ее глаз, обнаженные плечи, грациозные движения, – вся она вдохновляла на безрассудные поступки. Она закружилась в танце с графом Каменским, а я с Розовой Шалью.

Выполнив пять оборотов, мы замерли друг против друга, а через мгновение граф Каменский и Розовая Шаль двинулись к центру, я же с княжной остался на месте. Нарышкина не спускала с меня дразнящего взгляда, фельдмаршал воротил от меня нос, а мою избранницу пожирал глазами. Ее ответный взгляд поднял во мне бурю ревности: Розовая Шаль выглядела зачарованной мышкой, которая нарочно извалялась в сметане, чтобы доставить коту удовольствие.

Они сделали несколько кругов и разошлись. Теперь кавалеры стояли по одну сторону, дамы – по другую. Мария Антоновна что-то шепнула Розовой Шали, та бросила на меня быстрый взгляд и улыбнулась. Сердце мое затрепетало от гнева, а еще граф Каменский соприкасался со мною руками...

– Правый па-де-галоп¹⁶, – вполголоса скомандовал он.

И мы боком-боком оттанцевали в правую сторону.

– Папенька с маменькой, – процедил я, – в детстве часто

¹⁶ Па-де-галоп – танцевальное па, при котором танцор двигается боком, отставляя одну ногу в сторону и приставляя к ней вторую.

меня пороли...

Мы сделали па-де-галоп влево, и я двинулся вперед навстречу княжне.

– Я ждала вас вчера. Вы меня обманули, негодный мальчишка, – проворковала она, пока мы кружились.

Я вернулся к Розовой Шали, а Нарышкина к фельдмаршалу. Он насупился, вероятно, гадая, к чему это я упомянул о суровых методах воспитания.

– Не правда ли, княжна очень мила? – успела промолвить Розовая Шаль.

Кавалеры и дамы вновь оказались друг против друга, последовал новый па-де-галоп.

– Вы же не в обиде на них, – услышал я голос фельдмаршала.

Затем он выдвинулся навстречу Розовой Шали, они сделали круг, и пары заняли исходное положение.

– Княжна и впрямь очень мила, – согласился я и спросил: – А фельдмаршал? Вы и его находите милым?

Розовая Шаль ответить не успела – соединилась с Нарышкиной в центре, и они закружились. Кавалеры затанцевали по кругу, взявши за руку чужую даму.

– Вы же сами прогнали меня, – напомнил я княжне.

И мы разлетелись для следующего па-де-галопа.

– Нет-нет, конечно, я не в обиде! Меня пороли в воспитательных целях, – сказал я фельдмаршалу.

– Фельдмаршал вам чем-то не угодил? – спросила Розовая

Шаль.

– А вы все приняли за чистую монету! – горячо прошептала княжна Нарышкина.

– Хорошо воспитать ребенка в высшей степени благородная миссия, – поведал мне граф Каменский.

– Вы смотрите на него так, будто вас связывает какая-то тайна, – ответил я Розовой Шали.

А через мгновение уже Нарышкиной:

– Вы были чересчур убедительны.

Затем фельдмаршалу:

– Вы смотрите на меня так, словно хотите убедиться, что порка пошла мне на пользу.

– Вы не любите тайн? – спросила меня Розовая Шаль.

– Вы же помните, притащился этот старый дурень, – прошептала княжна, едва заметно кивнув на Михаила Федотовича.

– Вы сомневаетесь в пользе телесных наказаний? – издевательским тоном поинтересовался фельдмаршал.

– Не люблю, особенно – чужие, – буркнул я Розовой Шали.

И попенял Нарышкиной:

– Да. Но вы велели идти прочь обоим!

Затем ответил графу Каменскому:

– Что вы! После каждой порки я стремлюсь к новым подвигам!

– Вы лукавите, – блеснула глазами Розовая Шаль.

– Чтобы соглядатаи Каменского видели, как вы ушли! – объяснила Нарышкина.

– И много ли подвигов вы совершили? – с сарказмом спросил фельдмаршал.

– Меня забавляют сцены из жизни, – сказал я Розовой Шали.

– Отчего же не предупредили?! – гневно спросил Нарышкину.

– Уверен, главные подвиги еще впереди! – бодро отрапортовал графу Каменскому.

– Должно быть, вы баловень судьбы, – снисходительно промолвила Розовая Шаль.

– Он же стоял за дверью! Я надеялась, вы догадаетесь! – с возмущением прошептала Нарышкина.

– Грудь в крестах, а зад в синяках, – усмехнулся фельдмаршал.

– Грех жаловаться, – сказал я Розовой Шали.

– Простите, ангел мой! Надеюсь, впредь вас не разочарую! – заверил Нарышкину.

Я не успел ответить графу Каменскому: музыка смолкла, и пары застыли друг против друга.

– Судьба и впрямь благосклонна к вам, – промолвила Розовая Шаль.

– Что ж, оставим танцы молодым! – вдруг воскликнул Михаил Федотович, повернулся к соседней паре и сказал кавалеру. – Григорьев, будьте так любезны, извольте принять

на себя обязанности распорядителя.

Фельдмаршал взял под руку княжну Нарышкину, и они отошли в сторону. Мария Антоновна взглядом подала мне знак, чтоб я оставался с Розовой Шалью.

– Следующая фигура – «Рыбки»! – объявил новый распорядитель.

– Закидывайте удочку самым последним! – велела Розовая Шаль.

– Как прикажете, – согласился я.

– Так нужно, – безапелляционным тоном заявила барышня.

Я отыскал глазами Марию Антоновну. Фельдмаршал оставил ее, и она разговаривала с Дмитрием Владимировичем Нарышкиным. Сторонний наблюдатель ни за что не подумал бы, что говорит муж с женой. Они выглядели, как два устроителя карнавала, обсуждающие, все ли хорошо или что-то идет не так. Глаза мужа безучастно скользили по декорам. Ревновать Марию Антоновну можно было к кому угодно, только не к законному супругу.

Вдруг я заметил князя Адама. Он рассказывал что-то смешное в кругу офицеров, явно стараясь снискать симпатию у графа Каменского – военный губернатор был в числе слушателей.

– Друзья называются, – процедил я сквозь зубы.

– Вы делаете мне больно! – напряженным голосом произнесла барышня.

Я обнаружил, что сжимаю ручку Розовой Шали. Она обратила на меня черные выразительные глаза, и я вновь вспомнил слова Нарышкиной «Смотрите, не увлекайтесь!». Я несколько смутился, и мой взор остановился на полуоткрытых пухленьких губках. Мелькнула мысль: сделать вид, что не расслышал наказа Марии Антоновны.

Я вздохнул, снова нашел среди разряженных гостей княжну Нарышкину и, мучаясь учащенным сердцебиением, старался любоваться ее изящной шейкой и белоснежными, открытыми для всеобщего обозрения плечами.

– Граф! – Ко мне подошел князь Чарторыйский. – Как твои раны?

– Уже забыл о них, – слукавил я.

– Представишь нас? – Он указал глазами на Розовую Шаль.

Я испугался, что Чарторыйский, узнавший с утра о моем амуре с Нарышкиной, начнет ухаживать за дамой в розовой шали, и сказал:

– Моя избранница неразговорчива.

Князь Адам с удивлением дернул плечами, весело подмигнул мне и заметил:

– Пожалуй, это бесценное качество. Что ж, не буду мешать. Счастливого безмолвия! Он хотел отойти, но натолкнулся на графа Каменского.

– Вы знакомы? – спросил фельдмаршал князя Адама.

– Ваше сиятельство, это граф Воленский Андрей Василье-

вич, кавалер ордена Святой Анны первой степени, – ответил тот военному губернатору и добавил: – В минувшем году он оказался в команде сэра Нельсона. С гордостью отмечу, ему обязаны мы тем, что английская эскадра громила Копенгаген, а не российский флот.

– Довольно-довольно, ваше сиятельство. – Я поднял руку.

– Граф скромничает, – сказал князь Чарторыйский. – Другья прозвали его Воленс-Ноленс. Отчасти из-за фамилии, но в большей степени за то, что наш друг вечно попадает в передраги.

Фельдмаршал рассматривал меня с доброжелательным любопытством, покусывая вытянутые стрункой губы.

– Вот, значит, с кем довелось танцевать, – промолвил он.

Я постарался вложить в ответный взгляд максимум презрения, затем поклонился и, взяв под руку Розовую Шаль, сказал:

– Что ж, ваше сиятельство, вы бросили меня на поле боя.

И мы отправились с Розовой Шалью в другой конец, где участники танца готовились разыгрывать новую фигуру. Передвигаясь по периметру зала, мы поравнялись с кружком во главе с Новосильцевым.

– Как?! И вы здесь? – вскинул брови Николай Николаевич.

– А вы только заметили?! – парировал я. – Здесь же творится история!

– Но как же ваше утреннее недомогание? – спросил он.

– На больной заднице долго не усидишь, – сказал я так, чтобы услышали только мы двое, и, стрельнув глазами на барышню, добавил: – Тем паче, что история ждет.

Новосильцев хотел что-то ответить, но мы уже удалились.

– Андрей Васильевич! – услышал я знакомый голос.

Обернулся, увидел Михаила Илларионовича Кутузова и... обомлел – за спиной его в зеркале в полный рост отражалась моя спутница. Ее матовые плечи оказались открыты; золотистый поясok, высоко перехватив муслиновую тунику, подчеркивал пышную грудь и смелое декольте; розовая шаль переместилась на талию и, нарочно натянутая свободной рукой, облегла тело так, что сделались чересчур наглядными волнительные изгибы бедер и ягодиц. Барышня больше походила на Афродиту, выходящую из морской пены, чем на гостью придворного вельможи.

Михаил Илларионович что-то говорил, а что – я не уразумел, все мимо ушей пропустил, лишь последние слова генерала от инфантерии уловил.

– Ну, смотрю, тебе не до меня, старика! Правильно, твое дело молодое! Ты заходи в кадетский корпус. Я частенько бываю там, не могу в поместье усидеть. – Он пожал мне руку и похлопал по плечу.

Сгорая от стыда, я последовал дальше за Розовой Шалью. Я оглядывался с мнимым равнодушием, а про себя сердился на княжну Нарышкину за устроенный розыгрыш. Из-за ее прихоти я неприлично повел себя с Михаилом Илларио-

новичем, который в бытность мою кадетом руководил Сухопутным кадетским корпусом.

Не сдержавшись, я оглянулся, — Кутузова не нашел, зато заметил, что к компании графа Каменского и князя Чарторыйского присоединился хозяин дома, и все они от души смеялись над какими-то — не в мой ли адрес? — остротами. Михаил Федотович уже не жевал губы, а веселился самым естественным образом, глаза его влажно блестели, он держал Дмитрия Львовича под локоть и смотрел на него с умилением.

Вдруг я поймал себя на мысли, что военный губернатор гармонично смотрится в этой компании, и понял, как нелепо прозвучала бы моя жалоба на Михаила Федотовича, случись докладывать о его выходках государю. Царь потребовал бы от фельдмаршала объяснений, а тот поведал, как заметил на Караванной неизвестного, пробиравшегося через черный ход к княжне Нарышкиной. «Да-да, ваше величество, именно к Марии Антоновне...»

Да государь, пожалуй, еще и наградит фельдмаршала за то, что наказал нечестивца, не придавая дело огласке!

Дверь в конце зала перегородили ширмой, за которой спрятались дамы. Лакеи раздали кавалерам удочки, и те выстроились в очередь. Памятуя наказ Розовой Шали, я встал последним.

Первым «удил» новый распорядитель по фамилии Григорьев. Он закинул удочку за ширму, оттуда донесся женский

смех, и выбежала ухватившая его наживку баронесса Мако. Заиграла музыка, и Григорьев с дамой пустились в пляс. Остальные кавалеры по-очереди забрасывали свои удочки и со смехом отправлялись танцевать с наугад пойманными «рыбками».

Я волновался, что Розовая Шаль по ошибке схватится за чужую удочку и достанется другому кавалеру. Каждый раз с замиранием сердца следил я за тем, кто выскочит из-за ширмы. Розовая Шаль так и не появилась. Наступила моя очередь, и я знал, что она осталась за ширмой одна.

Я закинул удочку, леса сразу же натянулась. Но Розовая Шаль не выбежала. Вместо этого она тянула за лесу так, чтобы провести меня до края ширмы. Я растерялся, оставшись один на виду у любопытных гостей, но девичья рука, ухватив меня за рукав, утянула за собой.

– Идемте, – скомандовала барышня, решительно отворив дверь.

Мы шли через анфиладу комнат, пока не оказались в кабинете перед закрытыми дверями.

– Дальше сами. – Барышня остановилась у открытой двери и кивнула. – Видите портьеры?

Она подтолкнула меня. Я прошел из кабинета в комнату с камином и коллекцией курительных трубок, разложенных под стеклом на специальных столиках. Двинувшись дальше один, я расслабился, дал волю чувствам и тотчас заметил свое отражение в зеркале: а так как чувства мои определя-

лись саднящими ранами на ягодицах, то и выражение лица оказалось соответствующим. Да еще эта глупая удочка!

Мелькнула мысль: «Господи, что я тут делаю?!»

Только что с презрением думал о фельдмаршале, а сам-то чем лучше? Я же мечтал быть представленным государю, стать верным слугой царю и Отечеству! А сам посягаю на самое сокровенное, чем владеет Александр Павлович!

Я развернулся в обратную сторону, но, когда положил ладонь на дверную ручку, раздался лукавый голос:

– Вы не заблудились?

Княжна Нарышкина в легкой сорочке стояла между портьерами. Я неуверенно шагнул к ней, она подбежала ко мне, взяла за руку и повела в опочивальню. Шутка зашла чересчур далеко. Нужно было остановиться! Я прошептал:

– Простите, Мария Антоновна...

Она не дала мне закончить. Ее мягкие губы оказались на вкус сладкими, словно приправленными восточными пряностями. Сорочка легко соскользнула на пол. Обнаженные груди прижались ко мне, – чертов мундир мешал! Я отбросил удочку. И в четыре руки мы быстро расправились с моей одеждой. Княгиня увлекла меня на широкую кровать под балдахином.

Верный слуга царю... это не в духе времени... Служить Отечеству – да!

Глава 4

Потом мы лежали на боку друг против друга.

– Странное дело, – промолвила Нарышкина. – Ты находишься при дворе, но держишься особняком...

– В каком смысле?

– Ну... так, словно не ищешь ни чина, ни звания...

– Не ищу.

– Хитер.

– Поверь, Маша, нет здесь никакой хитрости...

– Ждешь, когда фортуна сама тебя найдет.

– Право, я ничего такого не жду.

– Твой друг Поло, – сказала она, – никогда не возымеет успеха в своих начинаниях. Слишком горячая голова. Александр никогда не согласится на резкие меры, он чересчур мягок. Помни об этом. Предлагая государю умеренные решения, постепенные шаги, ты добьешься большего расположения.

– К чему этот разговор? – с наигранным возмущением спросил я.

– Он пьет кофе с доверенными друзьями. Их четверо, – продолжила княжна, пропустив мимо ушей мою реплику. – Но есть одно свободное кресло. Оно обещано Лагарпу, но я поговорю о тебе с Александром, и ты займешь это место по праву. А Лагарп... катился бы в Швейцарию!

– Какое кресло? – промолвил я с досадой, и вдруг меня осенило. – Послушай, ты не напомнимшь, что за торжество будет в Москве двадцать восьмого октября?

– Ах, скукотища. – Она очаровательно сморщила носик. – Открытие водопровода.

Водопровод! Neus-Deus! Так что же хотят заговорщики? Отравить воду?

– А ты поедешь в Москву? – спросил я.

Нарышкина приложила указательный палец к моим губам и продолжила:

– И должность товарища министра юстиции пока свободна. На нее твой друг Новосильцев метит...

– Он же уже статс-секретарь, – буркнул я.

А про себя размышлял о том, как поскорее отделаться от обворожительной княжны. Заговорщики вознамерились отравить Москву – ну что еще можно сделать с водопроводом, чтобы Россия содрогнулась от ужаса? Нельзя было терять ни минуты!

– Одно другому не мешает, – продолжила Мария Антоновна. – Но отчего бы тебе не занять это место?

Она вновь принялась целовать меня. Сердце, еще не угомонившееся после любовной схватки и встревоженное ужасными догадками, забилося с новой силой, и я малодушно смирился с поцелуями. Что ж, до открытия водопровода в Москве еще две недели. И я бросился в новую баталию, грозившую равно сладкими и победой, и поражением.

Я перевернул княжну на спину, склонился к ней... и вдруг раздался требовательный стук в дверь.

В одно мгновение мы оказались на ногах. Я ринулся за одеждой, но Нарышкина без церемоний вытолкнула меня за дверь голым, а мои вещи, брошенные у входа, поддала ногой. Сгорая от стыда, я склонился за ними, даже не успев разглядеть того, кто стучал. А когда выпрямился, ко мне прильнуло упругое тело, рот оказался в плену настойчивых губ, мою руку властно схватили и закинули за чью-то спину, вторая же моя рука опустилась на податливые ягодицы, и одежда вновь посыпалась на пол. Скрипнули двери, и, скосив глаза мимо иссиня-черных тирбушонов, я увидел изумленные физиономии графа Каменского и князя Чарторыйского.

Розовая Шаль – а это, конечно же, была она – отпрянула от меня и вскрикнула, словно только сейчас заметила посторонних. Повизгивая и размахивая руками, она заметалась по кабинету, словно не знала, куда лучше спрятаться: за маленькую ширму перед камином или под стол с коллекцией курительных трубок. Я рывком ухватил первую попавшуюся вещь с пола, чтобы хоть как-нибудь прикрыться. Это оказался платок...

Розовая Шаль тем временем юркнула в опочивальню, где осталась княжна Нарышкина, и напоследок громко хлопнула дверь.

– Я же говорил, – сказал князь Адам. – Воленс-Ноленс!

Круглая физиономия графа Каменского сделалась пунцовой. Он смотрел на меня исподлобья тяжелым, ненавидящим взглядом – давеча ворковал с Розовой Шалью, а теперь увидел, что и с этой барышней я его обошел.

– Я не виноват... – вымолвил я. – Как-то так получилось...

– Воленс-Ноленс, – с улыбкой повторил Чарторыйский.

Он взял графа под локоть, тот вышел из злобного оцепенения, и они ретировались в кабинет.

Оставшись один, я поднял руку с платком, чтобы отереть взмокший лоб, но тут вновь заглянул князь Адам. Я быстро прикрыл естество, Чарторыйский воскликнул:

– Какой пассаж! – и скрылся окончательно.

Обессиленный, я плюхнулся в кресло и тут же подпрыг-

нул, как ужаленный: дали знать о себе саднящие ягодицы.

Наскоро одевшись, я отправился в обратный путь. Из опасения догнать военного губернатора или князя Адама я ступал осторожно и потому неслышно подкрался к комнате, откуда доносился голос Михаила Федотовича.

– Зачем вам это? – спросил он кого-то.

Уверенный, что граф беседует с Чарторыйским, я застыл за углом и обратился в слух. Совесть мучила укорами, но я успокаивал ее тем, что прячусь не из шпионских побуждений, а исключительно из-за нежелания столкнуться с этими господами после случившегося конфуза.

Впрочем, глупо было себя обманывать. Я хотел знать, о чем говорил князь Адам с графом, особенно после того, как нынешним утром узнал от меня об участии военного губернатора в заговоре.

Однако же прозвучавший ответ освободил совесть от угрызений. Я узнал голос второго заговорщика! Вспыхнула надежда, что сейчас их замысел раскроется мне целиком.

– Человек из Москвы приехал. Доносчик. Все дело под угрозу поставил! – донесся тихий голос.

– Вы же говорили, что полностью доверяете своим людям! – рассердился Михаил Федотович.

– В каждой отаре паршивая овца найдется! – так же зло ответил неизвестный. – Но не волнуйтесь, мы его перехватим в доме вашего племянника!

– При чем тут Петруша?! – прошипел Каменский.

– Слушайте! Этот человек искал встречи с министром финансов. Ума не приложу, почему он решил довериться человеку из финансового ведомства, но нам это на руку. Он же – провинция! – не знал, что присутствие-то в доме у Гурьева! Отправился к Алексею Ивановичу. Дворецкий к Васильеву не пустил его, сослался на то, что граф прихворнул, а заодно и просветил, что все министерство в доме у Гурьева. Московит отправился туда. Там, когда узнали, откуда он, сообщили о предстоящей ревизии, и, видимо, московит решил довериться именно назначенному ревизору. Однако ж племянника вашего в присутствии не оказалось, он тоже захворал. Словом, наш предатель отправился искать вашего племянника. Там мы и перехватим его.

– Петрушка живет...

Последние слова военного губернатора я не расслышал: собеседники удалились в другую комнату. Я выглянул из укрытия, но опоздал – они вышли в зал, и разглядеть товарища графа Каменского я не успел.

В гостиной я со скучающим видом принялся переходить от кружка к кружку и прислушиваться к разговорам, в надежде по голосу узнать заговорщика, и вдруг заметил князя Адама. Он со смехом что-то рассказывал Новосильцеву. Увидев меня, Николай Николаевич снисходительно улыбнулся и отвел глаза, словно опасался не сдержаться и расхохотаться в лицо. Кровь ударила мне в виски. Сомнений не было: Чарторыйский разболтал о конфузе с Розовой Ша-

лью.

Что ж, смейтесь-смейтесь, подумал я. Минуту назад я намеревался напомнить им об открытии водопровода, однако теперь твердо решил действовать самостоятельно. Княжна Нарышкина подскажет государю приблизить меня, а я предстану перед ним не с пустой болтовней, но с раскрытым заговором! Эх, только бы успеть за две недели найти заговорщиков и собрать доказательства!

В бальном зале появились княжна Нарышкина и субретка с розовой шалью. Мария Антоновна выглядела столь свежей и невозмутимой, что даже я усомнился: имел ли место наш случай в действительности или только пригрезился мне? А уж стороннему наблюдателю и в голову не пришло бы, что Нарышкина несколько минут назад участвовала в любовной баталии.

– Граф, вы, кажется, так и не познакомились с моей гостьюей, – промолвила княжна по-французски.

– Да, случая не представилось, – кивнул я.

Розовая Шаль смотрела на меня испытующим взглядом. И мне захотелось, чтобы ей оказались любопытны мои чувства после поцелуя, пусть он и случился для отвода подозрений от Марии Антоновны.

– Познакомьтесь, это граф Воленский Андрей. А это графиня де ла Травайола.

Я приложился губами к протянутой мне ручке и незаметно пожал ее. Но ответного пожатия не последовало. Выпря-

мившись, я взглянул прямо в лицо графине, – в ее черных глазах плясали бесенята, на губах играла усмешка.

Княжна Нарышкина, оставив нас, присоединилась к кружку во главе с ее мужем.

– Вы смелый человек, Андрэ, – промолвила графиня де ла Тровайола.

– Благодарю, – кивнул я.

– Для друзей я Алессандрина, а Мари зовет меня просто Сандрой, – сказала она, улыбнулась и добавила: – Что ж, еще увидимся.

Повернувшись, она удалилась вслед за княжной Нарышкиной. А я застыл посреди гостиной, окончательно пораженный новой стрелой Купидона. Внутренний голос кричал: не смей! ничего не выйдет! только оскорбишь Нарышкину, а она, между прочим, обещала похлопотать о тебе! Но розовая шаль, перетянув тонкую талию, подчеркнула пленительные изгибы бедер, и надежда на благоразумие сделалась призрачной.

– Андрей, – окликнул меня князь Адам. – У тебя такой самодовольный вид... Кажется, после нашего ухода ты преуспел!

Чарторыйский пробудил меня. Я давно забыл о цели своих блужданий и бродил, погруженный в фантазии. А прихвостень военного губернатора наверняка уже покинул «Новые Афины» и отправился на розыски неизвестного московского визитера.

– Кто она такая? Как ее зовут? – услышал я голос князя Чарторыйского.

– Кого?

– Как кого? Твою розовую пассию! – воскликнул князь Адам, заглядывая мне в глаза.

– А-а-а, – протянул я, уже забыв, как минуту назад осерчал на него.

В голове еще звучали слова графини: «Для друзей я Алесандрина». Казалось, если повторю ее имя, то сам голос ускользнет из памяти. И я соврал:

– Увы, она так и не представилась. Я же упоминал, – она неразговорчива.

– Надо же, – отозвался Чарторыйский; я гадал о причинах его заискивающего вида, но он и сам объяснился. – Кого тут только не встретишь! Demimonde¹⁷! И в бордель идти не нужно. Я, как видишь, с Михаилом Федотовичем поговорил. Он скотина, причем изрядная. Но мне, видишь ли, братец, приходится иметь с ним дело.хлопочу о своих соотечественниках.

– Что ж, в высшей степени благородное дело, – кивнул я. – Простите, князь, я хотел бы откланяться. Все же я переоценил свои силы, мне надобен отдых.

– Конечно-конечно, – согласился он, и мы попрощались.

Я отправился вниз, оделся и вышел на улицу. Поежился от холода. Поднял голову и не увидел, но почувствовал неви-

¹⁷ Demimonde (франц.) – полусвет.

димое за непроглядной теменью низкое, давящее небо.

Я перекрестился и прошептал: «Ну что, дружище?! И рад бы присмотреть за нами, а тут не видно ни зги!»

Подъехала моя карета, и я велел ехать на Моховую.

– На Моховую? – взвыл Жан.

В карете я снял мундир и надел заранее приготовленный партикулярный костюм и круглую шляпу. Одежда была чертовски холодной, озноб колотил меня, от дрожи зуб на зуб не попадал. Я с трудом поборол желание бросить самодеятельные розыски, вернуться домой, тяпнуть водочки из запотевшего стакана и забраться под теплые одеяла.

Князь Чарторыйский и Новосильцев вели свою игру. Но у меня оставались определенные преимущества: я не сказал им о Рябченко, упомянул о прозвище Длинный, но умолчал о прозвище Бульдог, каким заговорщики именовали своего патрона. А главным козырем стали сведения, полученные от княжны Нарышкиной. Водопровод! Козни заговорщиков связаны с открытием водопровода! Меня терзали противоречивые чувства: хотелось, чтобы княжна скорее замолвила за меня словечко, но с другой стороны, я должен был успеть раскрыть заговор, узнать, какое преступление и в чьих интересах замыслили злодеи. И сделать это до двадцать восьмого числа – потом будет поздно! Потом из героя, предотвратившего злодеяние, я превращусь в преступника, скрывавшего важные сведения!

Пришла шальная мысль: проникнуть в дом графа Ка-

менского, захватить его врасплох и силой вытрясти признания! Но я понимал, что подобная затея обречена на провал. В доме Михаила Федотовича много прислуги, одному с нею не справиться. И потом, военный губернатор непременно вывернется – мои слова объявит клеветой, местью за то, что накануне наказал меня.

Я должен добыть доказательства готовящегося преступления! Друг военного губернатора испугался приезда из Москвы неизвестного, искавшего аудиенции у министра финансов, значит, какие-то сведения стали известны кому-то, кто спешил донести на заговорщиков. Но почему министру финансов? Бог весть! Может, нити заговора тянутся высоко вверх, а министр финансов – единственный, о ком достоверно известно, что он в заговоре не участвует? Но если так, отчего московский гость, не получив аудиенции у графа Васильева, без колебаний отправился к товарищу министра, а затем и к незнакомому ревизору?.. Как бы то ни было, а я должен был найти посланника из Первопрестольной прежде, чем до него доберутся злодеи.

В столь ранние часы на Моховой не горел ни один фонарь, низкие постройки зловеще выступали из темноты, под колесами чавкала грязь, хрустели прихваченные первыми заморозками лужи. Я заметил тусклый свет в окнах углового дома.

– Что там? – спросил я Жана.

- Кабак какой-то, – откликнулся тот.
- Останови там.
- Сударь, зачем? Неужели-с вам жизнь не дорога-с?! – за-
ныл французишка.
- Что же ты, неужто боязно? – подзадорил я каналью.
- Страшно-с, – без тени смущения признался он.
- Ладно уж. Отвези мундир домой и жди там! Без тебя
управлюсь.

Я сошел. Щелкнул кнут, карета растворилась в темноте, а я толкнул тяжелую дверь. Внутри горели сальные свечи. Скучный свет еле-еле освещал помещение. Лицом к дверям на табурете спал с разинутым ртом половой. Он откинул назад голову, упершись затылком в буфет. Несколько подгулявших завсегдатаев храпели на лавках. Я сел у грязного окошка, намереваясь дожидаться, когда рассветет или появятся дворники. На столе валялись «Санкт-Петербургские ведомости». Не знаю, кто из пьянчужек интересовался новостями, но газету он оставил весьма кстати. Я взял ее, поднес поближе к подсвечнику, пробежал глазами страницу и наткнулся на любопытное сообщение:

«Профессор Черни честь имеет уведомить почтенную публику, что он воздушное свое путешествие с аэростатической машиной назначил 16 числа сего октября месяца; поднятие воздушного шара на воздух последует в саду 1-го Шляхетного корпуса».

Новость подействовала на меня самым благотворным об-

разом. «Никуда не денется Россия от прогресса, – подумал я. – Наступит новое время, а самодуров поганой метлой выметем!»

Усталость сковала меня, голова сделалась тяжелой, и никакие мысли – даже самые радужные – в ней не умещались. Я опустил руки на стол, пристроился на них правой щекой и провалился в неуютный, тревожный сон.

Разбудил меня половой.

– Эй, сударь, вы часом не сдохли?! – раздался противный голос над самым ухом.

Я приподнял голову и простонал:

– Где это я?

– Питейное заведение Головцына, – ответил отрок.

Теперь болел не зад, а шея. Я стал растирать затекшие руки, попытался покрутить головой и понял, что в ближайшие день-два придется поворачиваться всем корпусом.

– Что ж ты раньше-то не растолкал меня, – попрекнул я.

За окном рассвело. Повалил хлопьями снег, первый в этом году. Выходило, что дело свое я проворонил. Если Петруша Рябченко выздоровел, так, поди, уже несколько часов трудился в моем присутствии.

– Может, выпьете? – спросил половой.

– Выпью, – согласился я.

– С утра пить нехорошо, – буркнул кто-то за соседним столом.

Я бросил быстрый взгляд – там сидел человек в шубе, и го-

лова его возвышалась над пышным овчинным воротником. Тонкий нос с горбинкой и круглые очки делали его похожим на птицу, что, нахохлившись, бережет тепло своего тельца.

Рядом на скамье подле мисочки с молочком пригрелся черный пушистый комок. Правой рукой господин почесывал котенка за ушками.

– Так я чай собираюсь пить, – пояснил я.

– Чай? – переспросил половой и бросил неприязненный взгляд на господина в шубе.

– Чай – это хорошо, – ответил тот.

Он взглянул на меня поверх очков. Глаза умные, добрые. «Должно быть, лекарь, – подумал я. – Наверное, его газета и попалась мне ночью». Неизвестно, отчего с раннего утра этот господин маялся в кабаке, вперив взор в мутное окно. В другое время я бы представился и, пожалуй, осведомился, могу ли помочь чем-нибудь. Но тут своих дел хватало.

Мальчишка принес чашку. Я чуть пригубил обжигающего чаю, бросил на стол монету и вышел на улицу.

На другой стороне бродил субъект в черном полушубке, явно поджидал кого-то. Он посмотрел на меня с надеждой, но не узнал во мне нужного человека, и его цепкий взгляд потух.

Из парадного вышел бородатый мужичок в рабочем фартуке и с бляхой. Он потянулся, раскинув несообразно огромные руки, шумно зевнул и по-хозяйски огляделся.

– Эй, любезный! – позвал я.

– Чего тебе, сударь? – откликнулся он.

– Ты дворник?

– Нешто не видно?

Я прошлепал по осенней грязи.

– Вот что, любезный, я ищу старого друга, Петрушу Рябченко. Слыхал о таком?

Дворник крикнул, взглянул на меня с подозрением, почесал затылок и спросил:

– А зачем он тебе надобен?

– Надобен по срочному делу, – заявил я и сунул пятак ему в лапищу. – Вижу, знаешь Петрушу...

Мужичок спрятал монету, оглянулся воровато сперва на господина в черном полушубке, а затем на кабак, словно опасался, что монету у него отнимет либо этот незнакомец, либо кто-то вывалившийся из питейного заведения. К слову сказать, и Черный Полушубок поглядывал на нас настороженно.

– Пойдем-ка, мил-человек, – буркнул дворник.

Мы прошли вдоль стены и за углом остановились.

– Так он в этом доме-то и живет, – сообщил мужичок. – Тутова в наем осемь покоев сдается, он энти и занимает. Вона его окна. Токмо щас ево нет...

– Ясное дело. Присутственные часы, – кивнул я.

– Да не-е, – протянул мужичок. – Он еще со вчерашнего не воротился, загулял, знамо дело...

– Вот как!

Во мне закипела злость. Племянник военного губернатора должен находиться на службе, а он всю ночь гулял. Вот, значит, какая хворь его одолела! И этому человеку визитер из Москвы собирался доверить свои тайны!

Я вспомнил господина в черном полушубке, гулявшего у парадного. Наверняка он-то и был посланцем из Первопрестольной.

– Послушай-ка, любезный, а тот человек, – я кивнул на угол дома, – часом не Петрушу ли поджидает?

Физиономия у дворника приобрела плаксивое выражение, он ударил правым кулаком в левую ладонь и отчаянно вскрикнул:

– Эх! – и с досадой добавил: – Ждет он ево, ждет. Так ведь просил не сказывать никому!

– А ты и не говорил. Я же сам догадался, – утешил я мужичка и отправился за угол.

Господин в черном полушубке удалялся. Поравнявшись с соседним домом, он развернулся и двинулся мне навстречу. Набредая на участки улицы посуше, он останавливался, топал на месте, согревая ноги, и шел дальше. Четкий шаг и выправка выдавали военного. По виду он был лет на десять старше меня.

Заметив мое приближение, он замер и как-то весь подобрался, словно решал: пуститься ли ему наутек или кинуться на меня с кулаками. Я улыбнулся и слегка развел руки, показывая исключительно добрые намерения.

– Милостивый государь! – окликнул я его. – Вы, должно быть, поджидаете господина Рябченко?

Незнакомец оживился, просиял, словно увидел, что долгое мытарство близится к завершению, в следующее мгновение вперил в меня сосредоточенный взгляд и, сунув руку под полушубок, двинулся ко мне.

– Вы же из Москвы приехали? – спросил я.

Мой вопрос смутил незнакомца. Он остановился, замялся в нерешительности и не спеша высвободил руку из-под полушубка. Я догадался: за пазухой он прятал бумаги и хотел поскорее передать их, верно, приняв меня за господина Рябченко. Я чуть было по лбу не хлопнул себя от досады, что не додумался разыграть из себя племянника военного губернатора.

– Вы не Рябченко.

– Нет, – признался я, а дальше соврал: – Имею честь служить вместе с ним. Мы друзья. Оглянувшись, я заметил наблюдавшего за нами дворника и незаметно погрозил ему кулаком, чтобы не приближался и случайно не выдал меня.

Я рассчитывал расположить к себе гостя из Москвы. Глядишь, он и выложит, с чем пожаловал, не дожидаясь загулявшего Петруши.

– Может, зайдем к Головцыну, – я кивнул на кабак. – Заведение не ахти, но люди там добрые. Отогреемся.

– Нет уж, я тут обожду, – недовольно буркнул господин в черном полушубке.

– Замерзнем же! – разочарованно воскликнул я, поняв, что завоевать доверие этого человека будет непросто.

Вдруг послышался топот. Из-за угла появилась коляска, запряженная парой лошадей, и, брызгая грязным снегом, подкатила к дому. Дворник с радостным гиканьем побежал к экипажу.

– Вот и он! Вот и он! – кричал мужичок.

Моих лет господин вывалился из кареты и, если бы мы не подоспели, растянулся б посреди улицы. Я взял его под левую руку, а господин в черном полушубке под правую.

– Петр Ардалионович! Петр Ардалионович! Кормилец ты наш! – с льстивыми ужимками причитал дворник.

– А-а-а, пороть тебя некому! – крикнул в лицо ему Рябченко.

Господин в черном полушубке кивнул мне, и по этому сигналу мы попытались сдвинуть пьяного Петрушу к дому. Он разразился скрипучим смехом и оттолкнул нас. Несколько секунд постоял, пошатываясь, пошарил в карманах и бросил несколько монет под ноги дворнику. Тот, рассыпаясь в благодарностях, кинулся подбирать деньги из грязи. Рябченко зашагал в парадное. Мы с господином в черном полушубке переглянулись, я развел руками – дескать, и так бывает, – и, не сговариваясь, мы отправились следом за племянником военного губернатора.

В сенях Рябченко, подвывая от животного удовольствия, справил малую нужду и отправился в жилые помещения.

Осыпaeмый проклятьями соседей, он пересек весь дом и в угловой комнатухе, не снимая грязной шинели, повалился на кровать.

Мы с московским гостем вновь переглянулись и присели — я на краешек колченогого стула, заваленного одеждой, а незнакомец на сундук. Он снял шапку и то мял ее, то укладывал на колени и опускал сверху сцепленные руки. Незнакомец, очевидно, понял, что Рябченко не тот человек, которому можно довериться, и ломал голову над тем, к кому теперь идти со своей бедой.

— Эх, Петя, Петя, — вздохнул я. — Погубит ведь себя! Как быть? Уж как только не исхитрюсь, чтобы удержать его! А вот чуть не доглядел — и все!

Господин в полушубке посмотрел на меня так, словно я напрасно отнимал у него время. Но я не сдавался. Слегка подавшись к нему, я с чувством продолжил:

— Признаться, мне частенько и работу за него выполнять приходится. А как же? Товарища выручай! Вот и теперь! Его в Москву командируют, так и я обязательно с ним.

Господин в черном полушубке медленно повернулся в мою сторону и поднял руку, показав жестом, что его больше занимают звуки за дверью, чем наш разговор. Я спохватился, что мы до сих пор не познакомились.

— Простите мою назойливость! Прошу извинить меня, я и представиться забыл! Андрей Васильевич. — Я поднялся со стула и поклонился.

Человек в полушубке ответить не успел. Распахнулась дверь, и появилась женщина в пестром платке.

– Петр Ардалионович! Петр Ардалионович! Вас тут спрашивают! Из Москвы человек, со вчерашнего вечера ждет!

Господин в полушубке сорвался с сундука и, отпихнув женщину, выскочил из комнаты. Я бросился за ним, но столкнулся с дамой, повалился вместе с нею и потерял драгоценные секунды. Она визжала и брыкалась, я перебрался через нее, поднялся на ноги и налетел на представительного мужчину с намыленной физиономией, выскочившего на шум.

– Что случилось? Опять свинарник у Рябченко?! – возмутился он, и клочья мыльной пены полетели мне в лицо.

– Отойдите! – рявкнул я.

Он занес надо мною ручищу, я поднырнул под его локоть и увидел... На полу в предсмертных муках корчился тот самый господин, что поил котенка молочком в кабаке. А субъект, коего я принял за московского гостя, вытащил кипу бумаг из-за отворота шубы умиравшего и выбежал вон.

– Стой! Стой! Мерзавец! – выкрикнул я.

Тяжелая рука сдавила мое плечо, едва не свалив на пол.

– Да пустите же! – закричал я, и вновь полетели мыльные брызги.

Из комнаты Рябченко доносился женский визг. Я ударил Петрушкиного соседа ногой под коленную чашечку, он взвыл и осел. Для верности я добавил ему обеими руками

по ушам и кинулся к незнакомцу в шубе. Его глаза уже остановились, на лице застыли недоумение и досада. Нос с горбинкой и расхристанная шуба с овчинным воротом делали его похожим на подбитую птицу. Помочь несчастному было уже нельзя...

Вдруг послышалось жалобное мяукание, из-за пазухи убитого выскочил черный котенок и вскарабкался ко мне на плечо.

Я перешагнул через труп и выскочил на улицу. Господин в черном полушубке запрыгнул в подоспевшую карету. Возница щелкнул кнутом, лошади понеслись, и экипаж скрылся за углом.

Я поскользнулся и упал в грязные хляби. Послышались вопли:

– Убили! Убили!

Я приподнялся, но меня повалили на землю. Кто-то, изрыгая площадную брань, схватил меня под микитки и рывком поставил на ноги. В лицо вперемишку со снежными хлопьями полетели мыльные клочья с толстой морды Петрушкиного соседа. В сыром морозном воздухе казался особенно резким перегар изо рта дворника. Они с деловитой сноровкой скрутили мне руки. Котенок, юркнувший ко мне за пазуху, дрожал, вцепившись в грудь коготочками. Подоспели квартальные надзиратели. Вокруг собралась толпа. Из дома неслись женские крики.

Мимо проезжала карета. Вдруг она остановилась, распах-

нулась дверца, и женский силуэт прорисовался в снежной пелене. Любопытная барышня, привстав на подножке, смотрела на меня поверх толпы. Я сморгнул снежинки, приставшие к ресницам, и увидел темные, круглые от изумления глаза. Иссиня-черные трибушоны выбивались из-под изящного норкового тока... И я отчаянно закричал:

– Сандра! Сандра! Алессандрина!

Графиня де ла Тровайола вышла из кареты и через толпу пробралась ко мне.

– Господи, мосье Воленский! Что здесь произошло?

– Алессандрина, прошу тебя! Передай старому графу Строганову, что Воленс-Ноленс стал четыре тысячи восьмьсот сорок шестым человеком. Запомни: четыре тысячи восьмьсот сорок шестым! И еще – возьми котенка! Он сидит у меня за пазухой!

Графиня просунула руки под мою шинель, и даже в эти минуты я затрепетал от прикосновения ее пальчиков. Она забрала котенка. В глазах ее сожаление смешалось с недоумением.

– Что случилось, мосье Воленский? Что случилось? – повторяла она.

– Граф Строганов! Алессандрина, запомните: старый граф Строганов!..

– Давай-давай! – оборвали меня полицейские и, подталкивая в спину, повели к своему экипажу.

– Граф Строганов! – крикнул я. – Старый граф Строга-

НОВ!

Глава 5

Я оказался в Петропавловской крепости. Меня осмотрел лекарь, признал здоровым и годным для отправки в тюрьму. Стража проводила меня в Алексеевский рavelин.

– Ваш номер семь, – промолвил унтер-офицер, открывая застенок.

В помещении я был неприятно удивлен, увидев два стола и два стула. Хотелось одиночества, а в камере предполагался сосед. Еще большее потрясение ждало меня впереди. Вошедший следом солдат уселся за стол с железным подсвечником и застыл истуканом. Я подумал, что служивый задаст какие-то вопросы, даст пояснения о правилах пребывания в тюрьме и удалится. Но он молчал, засовы лязгнули, и мы остались вдвоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.